

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ XIX века – НАЧАЛА XX века**

На правах рукописи

Эхтиари Чароймаги М.А.

**Русско-английское политическое и экономическое
противостояние
на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент Георгиев В.А.

Москва

2013

Введение	3
Глава I. Русско-английские противоречия на Дальнем Востоке во второй половине 1890-х гг.	29
§ 1. Экономическая политика России на Дальнем Востоке в 1890-х гг.	30
§ 2. Политика Англии в Китае и ее отношения с Россией на Дальнем Востоке в конце XIX в.	44
Глава II. Русско-английские политические и экономические отношения на Дальнем Востоке в начале XX в.	54
§ 1. Дальневосточная политика России в начале XX в.: экономика, финансы	55
§ 2. Политическая борьба России за Маньчжурию и противодействие западноевропейских держав	63
§ 3. Политическое и экономическое положение Великобритании на Дальнем Востоке в начале XX в.	73
Глава III. Русско-английские политические и экономические противоречия в Китае накануне русско-японской войны	86
§ 1. Программа царского правительства на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны	87
§ 2. Англия и Япония против нового курса России на Дальнем Востоке	102
§ 3. Экономическая политика России в Китае накануне русско-японской войны	107
§ 4. Политико-экономические интересы Великобритании в Китае накануне русско-японской войны	115
Заключение	125
Источники и литература	129

Введение

Обоснование актуальности проблемы. Изучение истории международных отношений издревле являлось приоритетным направлением в работе историков.

В 90-е годы XIX и начале XX в. международная обстановка в мире имела чрезвычайно сложный и противоречивый характер. На политической арене по-прежнему задавали тон великие державы – Великобритания, Франция, Германия, Россия и Австро-Венгрия. Одновременно в сферу влияния во внешнеполитической области стремились проникнуть новые игроки – США и Япония.

На рубеже XIX – XX в. усилилась роль важнейших факторов международной политики – экономических, национальных и колониальных.

Существенно обострились противоречия между крупнейшими, наиболее развитыми в экономическом отношении, государствами. Начала формироваться система союзов между ними. Складывание этой системы, как показало будущее, не сгладило остроты противоречий, как между союзниками, так и между противниками.

В начале 1880-х гг. образовался Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, направленный против Франции и России.

В феврале 1887 г. сложилась «Средиземноморская Антанта» – соглашение Великобритании и Италии, призванное ослабить их противоречия в средиземноморском и североафриканском регионах.

В начале 1890-х гг. произошло русско-французское сближение, которое вылилось в подписание русско-французской оборонительной конвенции 1892 г. Своим острием она была направлена против Германии. Между тем, русско-французский союз в 1890-е гг., по оценке ряда историков, имел довольно аморфный характер и недостаточно

распространялся на многие международные европейские и общемировые проблемы.

В 90-е годы XIX в. сохраняли свою остроту как традиционные узлы противоречий держав («проливная проблема», Балканский вопрос, разногласия в североафриканском регионе и др.), так и активно возникавшие новые узлы противоречий, связанные с усилением колониальной экспансии.

Это было вызвано не только геополитическими причинами, но и европейским экономическим кризисом 1870-х гг. и последовавшей за ним затяжной депрессией, продолжавшейся почти до конца XIX в.

К этому времени сложились определенные типы колониального господства: прямой захват территорий слаборазвитых государств и народов, создание полуколоний с преобладающим влиянием в них нескольких великих держав, контроль территорий посредством политического влияния над их правительствами и экономического закабаления¹.

Второй тип колониализма распространялся на Османскую империю и Китай. К преобладающему влиянию на эти империи стремились многие европейские государства (Великобритания, Россия и Германия).

Что же касается Китая, то с конца XIX в. в дальневосточных проблемах начала активно участвовать и Япония. Характерно, что глубокие противоречия держав в Китае позволили его правительству сохранить относительную независимость.

Великобритания уже в середине XIX в. предпринимала попытки укрепить свое влияние в Китае, используя как методы экономического давления, так и грубую военную силу («опиумные войны» 1840 – 1842 гг., 1857 – 1860 гг.). Во второй половине XIX в. она добилась значительных преимуществ в Китае – открытие ряда портов, создание селтльментов,

¹ См. например: *Медяков А.С.* История международных отношений в Новое время. – М., 2007. – С. 395 – 396.

свобода перемещения британских подданных по территории «Поднебесной», официальное разрешение на торговлю опиумом. Опираясь на англо-китайский Тяньцзиньский договор 1858 г., Англия во второй половине XIX в. осуществляла широкую экспансию на Дальний Восток.

Изначально приоритетной задачей Великобритании было обеспечить прочные экономические и политические позиции в Китае, самой большой и богатой стране дальневосточного региона. Это предполагало необходимость добиваться влияния на внутреннюю политику Китая, а также на взаимоотношения Китая с приграничными, зависимыми от него странами, такими как Вьетнам, Корея и др. Политическая стратегия Великобритании строилась с учетом значимости этих стран для Китая. В Лондоне учитывали, что растущий интерес к странам дальневосточного региона начали проявлять и другие европейские державы, и быстро развивающаяся Япония. Великобритания понимала целесообразность, и даже необходимость учитывать эти факторы. Степень успешности британской политики на Дальнем Востоке зависела от ряда условий: смогла бы она влиять на расстановку сил (нейтрализовать одних, привлечь и использовать возможности других), а также и от результативности противодействия России реализации британских интересов в этом регионе.

Россия выступила соперником Великобритании в Китае после подписания двух русско-китайских договоров: Айгунского (1858) и Пекинского (1860). По этим соглашениям Россия получила не только экономические преференции, но и земли севернее Амура и Уссурийский край. Эти территории стали для нее плацдармом для дальнейшего наступления на Китай, а также основой для реализации российских геополитических интересов. Следует подчеркнуть, что в отличие от Великобритании, Россия имела с Китаем протяженную границу, которую необходимо было защищать в первую очередь не от китайского правительства, а от захватнических поползновений западных держав.

Примером тому являлось неоднократное появление английских военных кораблей в устье Амура.

Несмотря на достигнутые Россией успехи на Дальнем Востоке, Великобритания по-прежнему доминировала в экономических и политических отношениях с Китаем, что не могло не обострить русско-английское соперничество. В конце XIX – начале XX в. это соперничество достигло значительного размаха и стало непреходящим фактором (вплоть до русско-японской войны 1904 – 1905 гг.) в русско-английских отношениях.

Этот аспект международных отношений представляет значительный научно-познавательный интерес, что и объясняет **актуальность выбора** проблемы исследования в данной диссертации.

Степень научной изученности проблемы. Историю изучения русско-английского противостояния на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. можно разделить на несколько этапов.

Первый – дореволюционный – характеризуется работами В.И. Покровского, А.З. Мышлаевского, Д. Позднеева, Д.Д. Покотилова². Ими большое внимание было уделено вопросам экономического характера, торговле России с приграничными государствами, в том числе, дальневосточными. Для диссертации эти работы представляют значительный интерес, так как в них приводятся многочисленные статистические данные о русско-китайской торговле. Кроме того, авторы этих работ преследовали главную политическую (и практическую) цель: защита права России на утверждение своих позиций на Дальнем Востоке.

² См.: *Покровский В.И.* Внешняя торговля России 1856 – 1894 // Производительные силы России. – СПб., 1896; *Мышлаевский А.З.* Военные действия в Китае 1900 – 1901 гг. – СПб., 1905; *Позднеев Д.* Описание Маньчжурии. – СПб., 1897. – Т. I; *Покотил Д.Д.* Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. – СПб., 1895. – Часть 1.

Всплеск исследовательского интереса к проблеме дальневосточной политики России произошел после 1917 г., когда историки, наконец, получили на некоторое время широкий доступ ко всем царским архивам. В СССР появился ряд работ, посвященных изучению политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX в., что свидетельствовало о наступлении *второго этапа* в процессе изучения в СССР русско-английского противостояния на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. Хронологически он охватывает период первой половины XX в. В это время работы историков, специально интересующихся изучением русского колониального господства на Дальнем Востоке, приобрели идейно-политический, публицистический характер, а их взгляды – негативистский оттенок.

В первой половине 1920-х гг. работы историков имели, в основном, описательный характер. Примером является книга «Русско-японская война 1904 – 1905 гг.»³, подготовленная военно-исторической комиссией для описания русско-японской войны. Ее научно-познавательная ценность определяется тем, что в ней рассматривалась не только война, но и политические события на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японскому столкновению, а также и подготовка России и Японии к войне.

Во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. появились книги, основанные на большом архивном материале, что придавало выводам авторов большую убедительность.

В первую очередь, это относится к книге Б.А. Романова «Россия в Маньчжурии»⁴, представлявшей значительное явление в советской историографии 1920-х гг. В своей книге Б.А. Романов обращал основное внимание на политические аспекты проблемы. Он фактически отождествил действия С.Ю. Витте на Дальнем Востоке с внешней

³ Русско-японская война 1904 – 1905 гг. – М., 1925.

⁴ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892 – 1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Л., 1928.

политикой империи, определив предметом своего исследования работу русской дипломатии.

Не удивительно, что автор связал появление «маньчжурского вопроса» не со строительством Сибирской железной дороги, что было бы логично для экономической истории, а с японо-китайской войной 1894 – 1895 гг.

Б.А. Романов был уверен, что С.Ю. Витте играл «руководящую роль» «в направлении русской политики и в работе русской дипломатии на Дальнем Востоке». Эти исходные установки Б.А. Романова не имеют фактического подтверждения и нуждаются, как минимум, в уточнении. С.Ю. Витте был лишь одним из тех, кто определял русскую политику на окраине. Кроме того, Б. А. Романов исходил из того, что вся активность финансового ведомства была нацелена «именно на Маньчжурию и преимущественно на Маньчжурию» в течение 15 лет (1892 – 1906). Б.А. Романов не разделял по характеру действия С.Ю. Витте и его оппонентов. Тем не менее, одна из несомненных заслуг Б.А. Романова – это создание богатой фактами картины межминистерских разногласий при определении курса России на Дальнем Востоке. Правда, по мнению автора диссертации, он несколько недооценивает этот фактор, преувеличивая влияние С.Ю. Витте.

В 1955 г. в значительно дополненном архивными и мемуарными материалами издании «Очерков дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907 гг.)»⁵ Б.А. Романов нарисовал более полную картину, раскрывавшую многовариантность взглядов русских политиков по вопросу об отношениях с Китаем и Японией, и их реакции на закулисные манёвры Англии.

Кроме Б.А. Романова, дальневосточную политику Российской империи в конце XIX – начале XX вв. изучал другой советский историк –

⁵ См.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.:Л.,1955.

А.Л. Попов. Он стал архивистом-консультантом Архива внешней политики, а с 1929 г. участвовал в деятельности комиссии по изданию документов эпохи империализма. А.Л. Попов успел подготовить на страницах журнала «Красный Архив» ряд публикаций по истории восточной политики России во второй половине XIX – начале XX в., преимущественно из документов внешнеполитического ведомства, например, о так называемом Боксерском восстании в Китае⁶.

Исследование А.Л. Попова⁷ отличалось от работы Б.А. Романова. Он пришел к иному, чем Б.А. Романов, пониманию сущности и особенностей внешней политики самодержавия. В частности, А.Л. Попов подчеркивал не только её агрессивность, но и преобладание в ней военно-захватнических методов. Применительно к дальневосточной политике историк усматривал переплетение методов империализма и предшествовавшей эпохи с доминированием последних.

Третий этап в русской историографии, изучавшей проблему международных отношений на Дальнем Востоке, хронологически охватывает вторую половину XX в. Этот этап отмечен работами Н.А. Ерофеева, П.И. Острикова, М.И. Сладковского и А.В. Игнатьева.

В книге Н.А. Ерофеева «Очерки по истории Англии. 1815 – 1917»⁸ охватывается значительный период английской истории, связанный с промышленным переворотом и превращением Англии в мастерскую мира, с созданием гигантской колониальной империи, с обострением классовых противоречий в стране, вылившихся в массовое движение чартистов. Особое внимание уделено рабочему движению в Англии. Автор рассматривает особенности английского империализма, иллюстрируя их

⁶ См.: *Попов А.Л.* Боксерское восстание // Красный архив. – 1926. – № 1 (14).

⁷ См.: *Попов А.Л.* Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888 – 1903 гг.) // Красный архив. – 1932. – № 3 (52).

⁸ См.: *Ерофеев Н.А.* Очерки по Истории Англии 1815 – 1917. – М., 1959.

на многочисленных примерах, в частности, указываются методы ее приоритетного утверждения на Дальнем Востоке.

П.И. Остриков в работе «Империалистическая политика Англии в Китае в 1900 – 1914 гг.»⁹ подробно рассмотрел англо-китайские отношения, особенно акцентируя внимание на экономическом давлении Великобритании на Китай. В его книге тщательно подобран фактологический материал (по архивным данным), которые свидетельствуют о подавляющем превосходстве «британского сектора» в китайской экономике.

М.И. Сладковский в монографии «Китай и Англия»¹⁰ подверг резкой критике политику Великобритании на Дальнем Востоке, показал, что ее действия по закабалению Китая осуществлялись не только экономическими и политическими, но и силовыми методами. Проанализировав ряд англо-китайских договоров, он пришел к выводу, что с 1902 г. Великобритания имела ряд фактически односторонних привилегий в области торговли. По мнению М.И. Сладковского, содержание большинства подписанных англо-китайских документов являлось свидетельством полного игнорирования Англией китайских интересов и суверенитета.

Книга А.В. Игнатьева «С.Ю. Витте – дипломат»¹¹ явилась первым за многие годы исследованием, показавшим действия министра финансов на широком фоне международных отношений и внутренних проблем России, в том числе экономических, а также непростых взаимоотношений среди российских сановников. Конечно, в целом, картина, представленная А.В. Игнатьевым, была уже хорошо известна. Другая особенность книги — это явные симпатии автора к своему герою. С.Ю. Витте представлен у него как политик, для которого на первом месте стояли интересы России и который

⁹ См.: *Остриков П.И.* Империалистическая политика Англии в Китае в 1900 – 1914 гг. – М.: Наука, 1978.

¹⁰ См.: *Сладковский М.И.* Китай и Англия. – М., 1980.

¹¹ См.: *Игнатьев А.В.* С.Ю. Витте – дипломат. – М., 1989.

во имя их добивался больших успехов. Например, при анализе соглашения о КВЖД 1896 г. А.В. Игнатъев не скрывает, что у министра финансов имелись и значительные неудачи, например, сепаратные переговоры с Китаем. Признавая противоречивость поступков своего героя, в целом, историк очень высоко оценил действия С.Ю. Витте, хотя и констатировал их неоднозначный итог: промежуточные успехи и невозможность достичь конечной цели. Несмотря на то, что автор отчасти преувеличил агрессивность «безобразовцев» и оказался склонен многое простить министру финансов, книга привлекает широтой подхода, богатой эрудицией исследователя, введением в научный оборот некоторого количества новых источников.

Для современной историографической ситуации в России характерно стремление к комплексному изучению международных процессов, проходивших на Дальнем Востоке в конце XIX и начале XX в. Особое внимание уделяется исследованию экономического и политического проникновения и утверждения позиций разных стран на Дальнем Востоке и их противостояние с Россией в этом регионе.

В этом плане большой интерес представляет работа И.В. Лукоянова «“Не отстать от держав...” Россия на Дальнем Востоке в конце XIX—начале XX вв.»¹². В ней исследуется внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX—XX столетий. Автор считает, что главным инициатором определения внешнеполитического курса России на Дальнем Востоке был министр финансов С.Ю. Витте, провозгласивший политику мирной экономической экспансии в регионе. Автор, используя главным образом архивные материалы, показал, как радужные надежды Петербурга господствовать на своей восточной окраине постепенно разрушались, сталкиваясь с растущим кругом проблем. В книге показано, что при определении дальневосточной политики России проявились

¹² См.: Лукоянов И.В. "Не отстать от держав..." Россия на Дальнем Востоке в конце XIX—начале XX вв. – СПб., 2008.

многочисленные противоречия как между министрами, так и чиновниками на местах, действовавших иногда вопреки своему руководству. Основное внимание в монографии уделено тому, как принимались и осуществлялись ключевые внешнеполитические решения. Впервые в историографии подробно представлена деятельность «безобразовцев», олицетворявших собой вневедомственные влияния. Стремление угнаться за другими державами в колониальной экспансии и дисбаланс в принятии решений в конечном итоге завели политику России в регионе в тупик и завершились войной с Японией в 1904—1905 гг.

В книге И.С. Рыбаченок «Закат великой державы»¹³ исследуется внешняя политика России на рубеже XIX – XX в. Автор опирался на большой, по преимуществу, впервые вводимый в научный оборот архивный материал. В монографии показано, что внешнеполитический курс самодержавия формировался под воздействием изменений в международных отношениях, межведомственных и внутриведомственных разногласий, взглядов и влияний отдельных лиц в высшем государственном управлении. Последовательно прослежены методы, которыми российская дипломатия стремилась отстаивать собственные цели и задачи в регионах мира, где сталкивались геополитические интересы держав (в Европе, на Балканах, Африканском континенте, Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке).

Отечественными историками собран богатый фактический материал, но их концептуальные выводы, зависящие, главным образом, от времени написания работ, политической конъюнктуры и эпистемологической ситуации, во многом отличаются друг от друга.

Подводя итоги, касающиеся концепций советских историков относительно политики России на Дальнем Востоке, можно отметить, что они однозначно трактовали ее как агрессивную и колониальную, направленную на закабаление некоторых территорий Китая, Маньчжурии

¹³ См.: *Рыбаченок И. С. Закат великой державы.* – М., 2012.

и Кореи. Что касается современных авторов, то их оценки не столь однозначны. Так, В.В. Дегоев считает, что если западные державы и Япония занимались прямым разграблением Китая путем силовых методов, то «Россия ставила перед собой не колониальные, а геополитические задачи по защите своих уязвимых границ... Такая политика по необходимости принимала черты сугубо внешнего сходства с колониализмом, никогда не являясь им по своей внутренней сути»¹⁴.

Рассмотрение столь противоречивых оценок, имеющих в историографии, является одной из задач диссертации.

Что касается западной историографии, то следует отметить, что в ней представлено несколько концепций, хотя она не может похвастаться обилием работ по изучаемой в диссертации проблеме.

Так, в книге Э. Барнс «Британский империализм в Китае» («British Imperialism in China»)¹⁵ вопросы экономического могущества Англии на Дальнем Востоке тщательно изучались и систематизировались, подсчитывались размеры английского капитала. Автор пришел к выводу, что размер британского капитала в китайской промышленности в 1910-е годы был относительно невелик, но зато были сильны позиции финансовых корпораций, например, Гонконг-Шанхайского банка. Крупные банковские группы были заинтересованы в сохранении преимущественного положения Британской империи в Китае, поскольку это обеспечивало им стабильный доход. Таким образом, автором сделан вывод о том, что именно интересы британского капитала направляли политическую деятельность английских дипломатов на Дальнем Востоке¹⁶.

¹⁴ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700 – 1918 гг. – М., 2004. – С. 389.

¹⁵ См.: *Barns E. British Imperialism in China.* – L., 1926.

¹⁶ См.: там же. – Р. 64.

Работу Г.Н. Курзон «Проблемы Дальнего Востока. Япония – Корея – Китай» («Problems of the Far East. Japan – Korea – China»),¹⁷ по праву, можно назвать энциклопедией западной дипломатии на Дальнем Востоке. В книге подробно описывались политические, социальные и экономические условия в Японии, Китае, Корее, Тонкине, Аннаме, Кохинхине, Камбодже и Сиаме, а также – положение населяющих их народов. В своей работе Г.Н. Курзон специально останавливается на рассмотрении вопросов иностранной торговли в Гонконге и Макао, португальской политики в Китае, франко-китайской войны и т.д.

Однако некоторые исследователи, например, З.С. Стейнер, в книге «Министерство иностранных дел и иностранная политика» («The Foreign Office and Foreign Policy»)¹⁸, описывая британскую политику в первой трети XX века, оставляли Китай вне поля своего зрения.

Анализ изученной российской и зарубежной историографии позволил сделать вывод о том, что к настоящему времени отсутствуют работы, специально посвященные исследованию процесса эволюции экономических и политических действий России в ее противоборстве с Великобританией на Дальнем Востоке.

Таким образом, недостаточная изученность в российской и зарубежной историографии проблемы русско-английского противостояния на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX в. обуславливает **актуальность** ее постановки и решения в данной диссертации.

Цель диссертации – восстановить основные аспекты международной ситуации в дальневосточном регионе и реконструировать историческую практику экономических и политических отношений, сложившихся на Дальнем Востоке между Россией и Великобританией в конце XIX – начале XX в.

¹⁷ См.: *Curzon G.N. Problems of the Far East. Japan-Korea-China.* – L., 1894.

¹⁸ См.: *Steiner Z.S. The Foreign Office and Foreign Policy, 1898 – 1914.* – Cambridge, 1969.

Предмет исследования – механизм реализации русско-английского экономического и политического противоборства на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX в.

Объект исследования – политика России и Великобритании в дальневосточном регионе в конце 1890 – начале 1900-х гг.

Хронологические рамки исследования вытекали из самой расстановки международных сил в дальневосточном регионе на рубеже XIX – XX в. Она характеризовалась активизацией проникновения великих держав на Дальний Восток, усилением противоборства между ними за зоны влияния и, одновременно, стремлением Японии занять главенствующее положение в Тихоокеанском регионе.

Реализация поставленной цели исследования, во-первых, опиралась на комплекс научно-исторических методов познания.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили фундаментальные принципы гносеологии и современные представления о принципах и методах исторического исследования: историзм, диалектика и объективность.

Принцип историзма нацеливал автора диссертации рассматривать международные отношения на Дальнем Востоке в соответствии с характерной для конца XIX – начала XX в. историко-политической обстановкой и дипломатической практикой.

Принцип диалектики обязывал автора диссертации рассматривать политико-экономические явления в их развитии и динамике, выявлять их причинно-следственные связи, эволюцию действий политиков и дипломатов в зависимости от их исходных побудительных мотивов к последующим событиям и конечным результатам.

Принцип объективности в исследовании обеспечивался репрезентативной источниковой основой и строгим, последовательным следованием всем (проверенным на достоверность) показаниям информации исторических источников.

Методический аппарат исследования включал общенаучные методы: анализ, синтез, индукцию и дедукцию, логику и описание. Использовались также специфические исторические научные методы: проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-сравнительный и оценочно-ценностный подход. Все они в комплексе позволили изучить информацию собранных исторических источников, выявить совокупность внутренних и внешних факторов, влиявших на принятие и реализацию внешнеполитических решений.

Во-вторых, реализация поставленной исследовательской цели опиралась на выявленные документальные свидетельства – исторические источники.

Источниковая основа диссертации. В работе были использованы русские и английские источники разных видов как находящиеся в архивах и не введенные еще в научный оборот, так и опубликованные.

При подготовке текста диссертации основой для выявления исторических источников послужили материалы фондов Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел (АВПРИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), а также публикации журнала «Красный Архив».

Из числа исследованных нами фондов АВПРИ следует выделить фонд «Китайский стол»¹⁹.

Используемые архивные документы из АВПРИ можно классифицировать следующим образом: официальные документы – договоры и соглашения между Китаем и западными государствами, в том числе и с Российской империей; делопроизводственная переписка российских дипломатов с МИД России, а также между российским правительством и внешнеполитическим ведомством Цинского Китая; копии материалов периодических изданий западных стран.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 143. «Китайский стол».

В Государственном архиве Российской Федерации были изучены материалы личного фонда графа Владимира Николаевича Ламздорфа (1844 – 1907) – министра иностранных дел России в 1900 – 1904 и в октябре 1905 – 1906 гг. Фонд В.Н. Ламздорфа содержит 1034 дела²⁰.

Дипломат в течение многих лет составлял для себя своеобразные досье в виде копий документов по многим внешнеполитическим вопросам, в том числе и касающимся Дальнего Востока. В частности, это материалы по подготовке русско-китайского секретного договора (ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д. 126); переписка о занятии Порт-Артура (ДД. 127 – 128); деловая переписка В.Н. Ламздорфа с некоторыми российскими дипломатами.

При выявлении исторических источников по теме диссертации были обследованы также различные документальные публикации, информация которых раскрывала историю взаимоотношений держав на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.

Одна из самых содержательных русских публикаций официальных документов – «Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895 – 1905 гг.»²¹.

В этот сборник включены разнообразные делопроизводственные материалы: письма китайского короля российскому императору Николаю II и русскому посланнику в Китае, а также его записка с просьбой о покровительстве и укрытии вместе с наследником в русской миссии; телеграммы Николая II наместнику на Дальнем Востоке Е.И. Алексееву и резолюции царя на всеподданнейших докладах; материалы Особых совещаний по дальневосточным вопросам, проходивших под председательством Николая II.

Особый интерес в сборнике представляют документы Особых совещаний, собиравшихся в августе 1894 и в январе 1895 г. На них

²⁰ ГАРФ. Ф. 568. В.Н. Ламздорф.

²¹ Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока, 1895 – 1905 гг. – СПб., 1906. – С. 5 – 10.

рассматривалась ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке в связи с японо-китайской войной. В документах отражен процесс выработки той позиции, которую должна была занять Россия в обстановке войны на Дальнем Востоке. Также важна информация документов Особых совещаний 29 декабря 1903 г. и 28 января 1904 г., на которых обсуждались варианты соглашения с Японией.

Еще одной сферой выявления источников стал «Сборник договоров России с другими государствами»²². В него включено 100 наиболее важных актов, конвенций, деклараций и соглашений, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи. Документы, составленные на иностранных языках, даются в русском переводе. Тексты договоров приведены полностью и снабжены справочными комментариями. Необходимость издания этого сборника была обусловлена тем, что сборники международных договоров, заключенных с участием России, ко времени публикации имелись в библиотеках в недостаточном количестве и, кроме того, страдали неполнотой текстов отдельных договоров. В этом сборнике изучен ряд документов: декларация России и Франции по поводу заключения англо-японского союза 1902 года, соглашение между Россией и Китаем по делам в Маньчжурии, мирный договор между Россией и Японией, а также интересующая нас конвенция между Россией и Китаем по делам о Порт-Артуре, КВЖД и т.д.

Важной сферой выявления источников по теме диссертации явилось официальное издание договорно-правовых актов, заключенных между Россией и Китаем – сборник «Русско-китайские отношения 1689 – 1916»²³. Он содержит тексты договоров, находящихся в фондах «Трактаты» и «Китайский стол» Архива внешней политики Российской Империи.

²² Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. – М., 1952.

²³ Русско-китайские отношения 1689 – 1916. Официальные документы. – М., 1958.

Интересную информацию для работы над диссертацией дал «Сборник консульских донесений: год одиннадцатый»²⁴. Он содержит наиболее выдающиеся сообщения русских дипломатических и консульских агентов о торговых сношениях, потребностях мирового рынка, положении рабочих классов, эмиграции, колониях, судоходстве, состоянии и развитии промышленности, консульской практике и т. п.

Для сбора источников была использована и такая публикация как Синие книги – информационный тематический сборник материалов, имевших официальный характер. Синие книги представляют собой собрание дипломатических документов или иных материалов, издаваемых в Англии правительством для представления парламенту, а также разными парламентскими комиссиями. Нужно отметить, что, несмотря на важность Синих книг, материалы, включенные в них, имеют выборочный характер.

Материалы «Синих книг»²⁵, касающиеся дальневосточной проблематики, содержат договоры, отчеты консулов о торговле в открытых портах, переписку представителей Великобритании в Китае и Японии и т.д. В 1904 г. Синяя книга с материалами, освещавшими переговоры о выводе русских войск из Маньчжурии в 1901 – 1904 гг., была переведена с английского на русский язык и опубликована русским правительством в ограниченном числе экземпляров. Это сборник очень ценных документов о происхождении русско-японской войны. Нигде этого рода издания не имеют такой цены и значения, как в Англии.

Для поиска источников по теме диссертации был привлечен и «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925)». Его составил Э.Д. Гримм, а издал в 1927 г. Институт востоковедения в качестве учебного пособия по истории международных отношений. Включает около 100 важнейших

²⁴ Сборник консульских донесений: год одиннадцатый. – СПб., 1908. – Вып. 1.

²⁵ Английская Синяя книга. – China. – № 2. – 1904.

политических, экономических и правовых договоров, соглашений и др. материалов. Сборнику предпослано введение с обзором истории международных отношений на Дальнем Востоке за указанный период²⁶.

Из публикаций официальных документов, осуществленных на иностранных языках, нами были привлечены три английских сборника.

1. «Британские документы о происхождении войны» («British documents on the origin of the War»). Информация опубликованных в этом сборнике документов раскрывает происхождение противоречий между Англией и Россией в Китае. Сборник включает отчеты дипломатов о ходе переговоров по дальневосточному вопросу, а также переписку высших чинов британского МИД и правительства о проблемах английской внешней политики при решении ряда международных проблем. Тем не менее, некоторые периоды в международных отношениях отражены не полно и с большими временными интервалами²⁷.

2. «Договоры, соглашения и т.д. между Китаем и иностранными государствами» («Treaties, Conventions and etc. Between China and Foreign States»)²⁸. В эту публикацию вошли договоры и соглашения, заключенные между Китаем, Японией и западными державами в период с окончания «опиумных» войн (1856 г.) и до середины 1890-х гг.

3. «Англо-американские дипломатические материалы, относящиеся к Корею» («Anglo-American diplomatic materials relating to Korea»)²⁹ в двух томах. Первый том содержит конфиденциальные документы из британских дипломатических архивов о Канхваском договоре, переписку относительно оккупации Англией островов Комундо, не публиковавшиеся

²⁶ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925). – М., 1927.

²⁷ British Documents on the Origin of the War. 1898 – 1914. – L., 1927. – Vol. II.

²⁸ Treaties, Conventions and etc. Between China and Foreign States. – Shanghai, 1917. – Vol. 1 – 2.

²⁹ Anglo-American and Chinese Diplomatic Materials Relating to Korea: 1887 – 1897. – Pusan, 1984. – P.5 – 40 .

ранее «Исполнительные документы внешнеполитического ведомства США, инструкции, донесения и записки (Китай, Япония и Корея), 1866 – 1886» и доклады Р.У. Шуфельдта Морскому департаменту (1880 – 1882). Второй том продолжает публикацию британских и американских дипломатических документов, освещающих международную ситуацию вокруг Корейского полуострова до и после японо-китайской войны 1894-1895 гг., интересы европейских держав в Корее, политику Китая и Японии относительно Кореи.

Большой интерес для выявления источников по теме диссертации представляли публикации документов в историческом журнале «Красный Архив», в котором помещались важнейшие дипломатические документы, ранее скрывавшиеся от народных масс в тайниках царских архивов. «Красный Архив» был прямой противоположностью тем дореволюционным журналам, которые публиковали исторические источники, уводившие читателей от современности в глубь веков.

В предисловии «От редакции» к первому тому журнала говорилось: «девизом «Красного Архива» мог быть афоризм: «нет ничего тайного, что не сделалось бы впоследствии явным»³⁰.

Этот девиз обусловил, в основном, характер публикаций «Красного Архива» – официальные документы, в первую очередь, царской дипломатии, учреждений политического надзора и сыска, дневники и переписка самых высокопоставленных лиц в царской России.

С первых же номеров «Красного Архива» в нем стали публиковаться материалы, проливавшие новый свет на важнейшие события недавнего прошлого. Как писал в обзоре публикаций «Красного Архива» по истории международных отношений А.Л. Попов, «каждая из них являлась своего рода «открытием» и для науки и «откровением» для читателя...»³¹

³⁰ Красный Архив. – 1922. – Т. 1. – С. 3 – 4.

³¹ Красный Архив. – 1940. – № 3 (100). – С. 19.

В общем итоге в вышедших 106 томах «Красного Архива» было помещено около 900 публикаций архивных документов, преимущественно по истории России в XIX – XX вв., по истории международных отношений, в том числе по истории политики России на Дальнем Востоке. В целом, они обогатили советскую историческую науку большим количеством новых источников. В данной работе были использованы следующие подборки документальных материалов: «Документы о восстании Ихэтуань»³², «Из эпохи японо-китайской войны 1894 – 1895 гг.»³³, «Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.)»³⁴, «Безобразовский кружок летом 1904 г.»³⁵, «Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 – январь 1902 г.)»³⁶.

Заметим, что упомянутые публикации «Красного Архива» имели не только научный, но и публицистический характер: они были нацелены на разоблачение грабительской политики империалистических государств на Дальнем Востоке.

В ходе работы над текстом диссертации внимание уделялось и работе с зарубежными и отечественными публицистическими материалами, появлявшимися и в периодической печати, и в отдельных книгах.

Британское общественное мнение и периодическая печать часто отражали если не официальную позицию Лондона, то, по крайней мере, чутко реагировали на внешнеполитическую конъюнктуру. Наиболее значимы для понимания целей и политических действий Великобритании на Дальнем Востоке публикации английской газеты «Таймс»³⁷.

³² Красный Архив. – 1926. – № 1(14).

³³ Красный Архив. – 1932. – № 1-2 (50—51).

³⁴ Красный Архив. – 1927. – № 6 (25).

³⁵ Красный Архив. – 1926 – № 4 (17).

³⁶ Красный Архив. – 1934. – №. 2 (63).

³⁷ «The Times», 25.X.1895 и др.

Публицистический характер имели также сочинения русских путешественников, географов, экономистов и статистиков. Описывая результаты своих поездок в Сибирь и на Дальний Восток, они способствовали формированию русского общественного мнения в том направлении, что на окраинах России и на ее границах находятся огромные территории, освоение богатств которых будет способствовать увеличению экономического могущества и политической славы Отечества. Русская периодическая печать (в частности, «Вестник финансов, промышленности и торговли») не оставляла в 1894 – 1903 гг. без внимания все, что происходило на восточной границе России, часто упоминая в своих публикациях события в Маньчжурии и Китае, подталкивая русское правительство к более решительным действиям в этом регионе.

Особое значение имели «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли», в которых приводились статистические данные о состоянии русско-китайских торговых связей и высказывались пожелания к их развитию, что свидетельствовало о стремлении российского капитала утвердиться на китайском и корейском рынках.

В целом, все эти произведения не могли не оказывать влияния на активизацию внешнеполитического курса России на Дальнем Востоке³⁸.

Кроме официальных документов (в основном дипломатического характера) и публицистических публикаций, источниковую базу диссертации составили и материалы личного происхождения: мемуары, дневники и эпистолярный.

Среди мемуаров наиболее информативными (с точки зрения задач диссертации) оказались «Воспоминания»³⁹, оставленные Сергеем

³⁸ См.: Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. – СПб., 1894; Левин Н. Географические и экономические данные о Маньчжурии // Сибирский сборник. – 1898; Романов Ф.П. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 г. – Томск, 1898; Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. – СПб., 1874 и др.

³⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960.

Юльевичем Витте (1849 – 1915), бывшим одним из главных инициаторов и вдохновителей активизации дальневосточной политики России. В своих «Воспоминаниях» С.Ю. Витте описывал свою программу действий России на Дальнем Востоке в качестве министра финансов. Главное состояло в том, что он был сторонником экономического проникновения России на Дальний Восток в противовес предлагавшейся некоторыми деятелями («безобразовцами») военно-политической экспансии. Неоспорима заслуга С.Ю. Витте в заключении Портсмутского мирного договора с Японией 1905 г., завершившего русско-японскую войну 1904 – 1905 гг.

Однако к «Воспоминаниям» графа следует относиться весьма критически, так как они, как и все мемуары, крайне субъективны, были подчинены его политическим целям, были нацелены на оправдание его политики и выявление, по его словам, крупных ошибок, к которым с 1903 г. привели царя его новые советники по делам Дальнего Востока.

Информация «Воспоминаний» С.Ю. Витте дополняется сведениями из материалов его архива, опубликованными Б.Б. Глинским. В книге «Пролог русско-японской войны: Материалы из архива графа С.Ю. Витте»⁴⁰ приведен ряд важных документов по истории конфликта России с Японией, по корейскому и маньчжурскому вопросам, что значительно пополнило источниковую базу диссертации.

В исследование были также вовлечены воспоминания министра иностранных дел Японии (1906 – 1908) графа Хаяси Тадасу⁴¹. Эти мемуары были необходимы автору диссертации для того, чтобы уяснить внешнеполитические позиции и планы Японии на рубеже XIX – XX в.

В воспоминаниях японского министра иностранных дел особого внимания заслуживает его вывод о том, что дипломатический нажим великих держав во главе с Россией, оказанный на Японию после

⁴⁰ Глинский Б.Б. Пролог русско-японской войны: Материалы из архива графа С.Ю. Витте. – Пг.: «Брокгауз-Ефрон», 1916.

⁴¹ Pooley A. M. The Secret Memoirs of Count Hayashi Tadasu. – L., 1915.

ее победоносной войны с Китаем, стал причиной заключения англо-японского военно-политического союза 1902 г.

Истории заключения союза Великобритании с Японией граф Хаяси Тадасу посвятил специальные «Записки», опубликованные в России⁴². Информация мемуариста дает основания считать, что англо-японский союз имел антироссийскую направленность и что союзные отношения с одной из великих европейских держав были нужны Японии для успешного продолжения своей политики на Дальнем Востоке.

Значительную информационную ценность для работы над диссертацией имели также материалы из дневников А.Н. Куропаткина, опубликованные в журнале «Красный архив» в 1922 г.⁴³ и в «Российском архиве» в 1995 г.⁴⁴, а также извлечения из дневника Е.А. Плансона, находившегося в штабе адмирала Е.И. Алексеева⁴⁵.

Использованные дневники содержат богатую информацию о внутреннем положении в России на рубеже XIX – XX в., о борьбе придворных клик, о состоянии ее вооруженных сил, о планах Николая II, подготовке русско-японской войны и о ее начале.

Особый вид исторических источников, использованных в диссертации, составил эпистолярный современников и участников происходивших событий. Среди этого вида источников: переписка С.Ю. Витте с Д.С. Сипягиным в 1900 – 1901 гг.⁴⁶, «Переписка министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа с другими членами царского

⁴² См.: Записки графа Хаяси Тадасу об англо-японском союзе // Известия Министерства иностранных дел. – СПб., 1913. – № 5.

⁴³ См.: Дневник А.Н. Куропаткина // Красный Архив. – 1922. – № 2 (2).

⁴⁴ См.: Японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. – М., 1995. – Т. XVI.

⁴⁵ См.: В штабе адмирала Е.И. Алексеева (Из дневника Е.А. Плансона) // Красный Архив. – 1930. – № 4-5 (41 – 42).

⁴⁶ См.: Красный Архив. – 1924. – № 5 (18); 1926. – № 5 (18).

правительства и российскими представителями в Японии и других странах относительно политики царского правительства на Дальнем Востоке»⁴⁷.

В целом, источниковая база диссертации состоит из архивных и опубликованных материалов. Они были представлены историческими источниками разных видов: официальные законодательного и делопроизводственного характера документы (государственно-дипломатического происхождения); публицистика; мемуары, дневники и эпистолярный.

Информация использованных в исследовании материалов всесторонне раскрывала конкретные действия всех сторон, вовлеченных в противоборство на Дальнем Востоке, в борьбу за приобретение политических и экономических привилегий в Китае и Маньчжурии. Таким образом, выявленная информация исторических источников вполне репрезентативна для реализации цели исследования и его задач.

Задачи исследования делятся на три блока:

- 1) экономический, в который входит изучение экономических основ проникновения России и Великобритании на рынки Дальнего Востока;
- 2) политический, подразумевающий изучение политических акций, свидетельствующих о противостоянии России и Великобритании на Дальнем Востоке;
- 3) дипломатический, включающий анализ конкретных действий государственных деятелей и дипломатов, направленных на разрешение или разжигание возникавших политических конфликтов.

Решение этих задач красной нитью проходит через все три главы диссертации, каждая из которых имеет свои, более частные задачи.

Новизна диссертации обусловлена несколькими факторами.

⁴⁷ Красный Архив. – 1934. – № 2 (63).

Во-первых, выбором проблемы, имеющей большое научно-познавательное значение, но недостаточно изученной в российской и зарубежной историографии.

Во-вторых, оригинальностью постановки и трактовки предмета исследования, позволившие раскрыть механизм англо-российского противостояния на Дальнем Востоке на рубеже XIX – начала XX в.

В-третьих, введением в научный оборот ряда исторических источников, прежде не попадавших в поле зрения историков, но необходимых для объективной и адекватной реконструкции истории международных событий, характеризовавших политическую и экономическую обстановку на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.

В-четвертых, выводами и наблюдениями о динамике англо-российского противоборства на Дальнем Востоке, о роли Великобритании в разжигании военного конфликта между Россией и Японией ради того, чтобы укрепить свои собственные политические и экономические позиции в дальневосточном регионе.

Апробация результатов исследования осуществлялась в форме опубликованных статей, в которых изложены основные наблюдения и выводы, к которым пришел автор диссертации.

Научно-практическая значимость исследования определяется постановкой и решением научной и политически-значимой проблемы. Полученные в исследовании результаты могут быть использованы при написании научных работ по истории международных отношений, а также в учебной практике при подготовке общих и специальных курсов лекций по истории внешней политики России, Великобритании и Японии.

Структура диссертации обусловлена ее целью и логикой решения ее исследовательских задач. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка источников и литературы, создавших источниково-информационную основу исследования.

Глава I

Русско-английские противоречия на Дальнем Востоке во второй половине 1890-х гг.

Исследовательская *цель* данной главы – проанализировать начало и причины возникновения противоречий между Россией и Англией на территории Китая, возникших в 1890-х гг.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*:

- 1) рассмотреть направления и конкретные шаги в экономической политике России и Англии в Китае;
- 2) выяснить сущность и цели предпринимавшихся этими странами дипломатических действий на Дальнем Востоке;
- 3) рассмотреть причины постепенного изменения методов российского проникновения в Китай от «мирных» до «силовых»;
- 3) вскрыть роль С.Ю. Витте, крупнейшего российского государственного деятеля, в формировании и проведении внешнеполитического курса России на Дальнем Востоке;
- 4) определить цели и направленность британской политики на Дальнем Востоке.

В последней четверти XIX в. произошли серьезные изменения в международной экономической обстановке, причиной которых явилась ожесточенная борьба держав за раздел мира. Эта борьба была инициирована не только геополитическими стремлениями, но и экономическим кризисом 1870 – 1880-х гг. и затянувшейся на долгий срок экономической депрессией. Сложившаяся ситуация привела к усилению конкуренции между странами и к поиску новых рынков сбыта товаров. Международный капитал нуждался в странах, изобилующих сырьем и дешевой рабочей силой, удобных для экспорта капитала, где можно было бы оградить себя от иностранной конкуренции, и установить свою монополию. Наиболее подходящими для этого были колониальные и зависимые страны.

Наиболее активно вступили на арену борьбы за раздел мира старейшие капиталистические державы Англия и Франция, а позднее

Германия и Россия. В конце XIX в. угроза русским дальневосточным владениям, нараставшая со стороны других держав, заставила Россию активизировать свою политику на Дальнем Востоке⁴⁸. Однако попытки России утвердить свои позиции на территории сопредельных стран вызвали противодействие со стороны европейских держав, заинтересованных в монопольном влиянии на Китай и другие страны дальневосточного региона.

Важно отметить, что в практике международных отношений в последние десятилетия XIX в. также произошли некоторые изменения в связи с тем, что финансовый капитал стал играть ведущую роль в сфере международных отношений. В связи с этим, дипломатия этого периода находилась под определенным влиянием монополистических кругов.

§ 1. Экономическая политика России на Дальнем Востоке в 1890-х гг.

В 1880 – 1890-е гг. произошли заметные перемены в дальневосточной политике царской России. Начиналась погоня за высокими прибылями. Развитие капитализма «вширь» было главной причиной стремления к новым рынкам на Дальнем Востоке. Развитие крупной промышленности, железнодорожного строительства, финансовые накопления имели своей основой увеличение косвенных налогов, чего требовали и внутренние соображения, и международная обстановка на Дальнем Востоке.

Объём морской торговли России с Китаем был невелик по сравнению с торговыми оборотами Англии, США, Франции. Основная торговля России с Китаем велась по суше, что отразилось в Петербургском

⁴⁸ См.: История дипломатии. В 3-х т. / Под ред. В.П. Потемкина. – М.– Л., 1945. – Т. 2. – С.112.

договоре, подписанном 1881 г. после отказа Китая ратифицировать Ливадийский договор 1879 г.

Согласно новому договору, западная часть Илийского края закреплялась за Россией. На остальной территории края восстанавливалась власть Китая.

Подтверждались все права и привилегии России в западном Китае и Монголии. В результате влияние России в Синь-Цзяне стало преобладающим.

Петербургский договор был продлен в 1891 г. на новый срок без изменений⁴⁹. Русские купцы и фабриканты, опираясь на договоры, стремились расширить свои привилегии в Китае, но эти попытки наталкивались на сопротивление центрального правительства и местных властей⁵⁰.

Российско-китайская торговля 1880 – 1890-х гг. оставалась довольно стабильной. В 1890-х гг. руководство России разрабатывало планы изменения торговой политики на Дальнем Востоке, так как ее результаты не были достаточно эффективными и внушительными.

Главной причиной проблем российско-китайской торговли в 80-е – начале 90-х гг. XIX в. было слабое экономическое развитие Российской империи, выражавшееся не только в отставании русской промышленности в целом, но и в крайней неразвитости сельского хозяйства и промыслов на Дальнем Востоке. Тем не менее, к концу этого периода даже наметились благоприятные тенденции, выражавшиеся в опережении темпов роста вывоза в Китай над ввозом. В пятилетие 1886 – 1890 гг. Китай в общем

⁴⁹ См.: *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925). – М., 1927. – С. 84-85.

⁵⁰ См.: *Нарочницкий А.Л.* Англия и Китай на пути к японо-китайской войне 1894 – 1895 гг. //Исторические записки. – М., 1946. – Т. 19. – С. 822.

объеме вывоза из России и ввоза в Россию составлял соответственно 0,35% и 6,95%, в 1894 г. – уже 0,67% и 6,88%⁵¹.

В конце XIX в. экономика России динамично развивалась, в связи с чем особенно актуальной стала проблема расширения рынков сбыта. С.Ю. Витте, занимавший пост министра финансов Российской империи в 1892 – 1903 гг., связывал экономическое развитие страны с активной борьбой за рынки сбыта на Дальнем Востоке. Летом 1894 г. он командировал две экспедиции под общим началом тайного советника Забугина для составления проекта таможенного тарифа для товаров, привозимых в Приамурский край, как морем, так и сухопутно, и для изучения вопроса о транзите иностранных товаров через Приморскую область в Маньчжурию. Таким образом, наметилось завершение первого периода русско-китайской торговли в регионе. От политики насыщения рынка дешевой продукцией было решено перейти к защите собственного производителя, что должно было привести к уменьшению значения Северо-Восточного Китая в системе российско-китайской торговли.

По общим объемам ввоза в Россию во второй половине XIX века Китай находился на четвертом месте после Германии, Великобритании и США, по общему вывозу из России Китай не играл какой-либо важной роли. Из статей российского вывоза в Китай заметный процент общего экспорта страны приходился лишь на хлопчатобумажные ткани (28%). Из статей общего ввоза в Россию Китай давал 82% чая, 66% лошадей, 51% х/б тканей, 43% шелковых изделий, 34% пушнины и 30% скота.

Вообще же, 90% всего объема российско-китайской торговли приходилось на чай, которого ежегодно покупалось около 2 млн. пудов⁵². В 1893 г. из 13430 тыс. руб. ввоза из Китая через европейскую границу –

⁵¹ См.: *Покровский В.И.* Внешняя торговля России 1856 – 1894 // Производительные силы России. – СПб., 1896. – С.21.

⁵² См.: *Дацышен В.Г.* Проблемы российско-китайской торговли в конце XIX в. // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». – Иркутск, 1895. – Вып. III. – С.55.

13259 тыс. руб. приходилось на чай, по азиатской торговле на чай приходилось 16068 тыс. руб. из 19755 тыс. руб.⁵³

Проблемы русско-китайской торговли в Маньчжурии обозначились с первых дней присоединения Приамурья и сохранялись почти четыре десятилетия. Важно, что вопрос русскими государственными деятелями ставился не просто о развитии торговых операций, а о русском влиянии в Северном Китае, учитывая возможность России снабжать Маньчжурию всеми товарами, в которых она нуждается, и, развивая свободную торговлю, поставить её в экономическую и политическую зависимость. Однако, реализовать план экономической экспансии в Маньчжурию в 1870-х гг. не представлялось возможным. О ясном понимании ситуации свидетельствует стенографический отчет заседания Комитета общества для содействия русской промышленности и торговле от 20 марта 1874 г.⁵⁴ Члены комитета чувствовали, что англичане уже захватили южную Маньчжурию через Нючжуан, ее главные торговые ворота, поэтому русским осталась только северная часть.⁵⁵

Русско-китайским торговым центром на Амуре являлся Благовещенск. Основными учтенными статьями китайского ввоза в Амурскую область были скот и хлеб. В 1889 – 1891 гг. из Хайлара в Благовещенск ввозилось по 10–12 тыс. голов скота в год на сумму до 650 тыс. руб.⁵⁶ Ввоз хлеба производился в случае неурожая, а также для нужд приисков и военного ведомства. В Маньчжурию ввозились также и другие товары. Через Амурскую область, например, веревка, меха и др.

⁵³ См.: Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. 4.7. – СПб., 1874. – С. 132.

⁵⁴ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892 – 1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Л., 1928. – С. 144.

⁵⁵ См.: Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. – СПб., 1894. – С. 613.

⁵⁶ См.: Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. 4.7. – СПб., 1874. – С. 144.

Статистика китайского ввоза через Благовещенск очень противоречива, но есть данные, что к середине 1890-х гг. он достигал 5 млн. руб.⁵⁷, в то время, как экспорт российских товаров из Благовещенска в Китай был незначителен.

В 1894 г. благовещенскими фирмами было продано китайцам мануфактурных изделий на 60 тыс. руб., металлических изделий на 20 тыс. руб., керосина и свечей на 2 тыс. руб., а, кроме того, серебра в слитках на 160 тыс. руб.⁵⁸

стоимостном выражении общий русский вывоз в Китай в 10 раз был меньше ввоза. Что касается русского вывоза в Маньчжурии, то он достигал лишь 1% от стоимости ввоза, и лишь в Западной Монголии и Джунгарии Россия имела небольшое преобладание вывоза над ввозом⁵⁹.

В Петербурге полагали, что стабильность сухопутной торговли была гарантом политической стабильности на Востоке.

В 1894 г. Россия в Китай экспортировала товаров почти в 10 раз меньше, чем в 1892 г. Объёмы и общий баланс российско-китайской торговли на Дальнем Востоке определить невозможно, большая часть торговли не регистрировалась⁶⁰.

Таким образом, к середине 1890-х гг. торговля с Китаем не только не возрастала, но и находилась в глубокой стагнации. Это было одной из причин рассмотрения в русском правительстве внесения изменений в торговую политику на Дальнем Востоке, тем более, что Китай являлся одним из немногих рынков для сбыта русских промышленных товаров.

Еще большей проблемой было то, что уменьшение объемов перевозок товаров из Китая через Сибирь грозило деградацией Московского тракта. Торговля с Китаем для России была крайне

⁵⁷ См.: *Левин Н.* Географические и экономические данные о Маньчжурии // Сибирский сборник. – 1898. – С. 120.

⁵⁸ См.: *Позднеев Д.* Описание Маньчжурии. – СПб., 1897. – Т. I. – С. 559.

⁵⁹ См.: *Дацышен В.Г.* – Вып. III. – С.55.

⁶⁰ См.: История дипломатии. – Т. 2. – С. 123 – 127.

необходима: она обеспечивала снабжения Дальнего Востока, стимулировала экономическую жизнь Сибири и Туркестана, обеспечивала чаем русский рынок.

В целом. российско-китайская торговля несла на себе целый комплекс проблем и противоречий, среди которых выделялось несоответствие между возможностями, ожидаемыми результатами и реальной ситуацией⁶¹.

На пути развития и расширения российской торговли в Китае стояла Великобритания. Ей до середины 1890-х гг. принадлежало безусловное экономическое и политическое первенство в Китае.

Не случайно, прежде чем начать военные действия против Китая, Япония постаралась выяснить, как к предстоящей войне относится Англия. Премьер-министр Великобритании Дж. Кимберли говорил в беседе с японским посланником в Лондоне 23 июня 1894 г., что война Японии с Китаем будет трагедией; она не поможет никому, а, наоборот, станет удачным предлогом для вмешательства России в конфликт двух стран⁶².

Японии нужна была помощь Англии, чтобы Россия не вмешалась в войну. Япония считала, что, если даже Англия будет придерживаться дружественного нейтралитета, то вмешательство России не пойдет дальше дипломатического протеста⁶³. В конечном счёте, этот расчет оказался правильным. Англия не хотела полного разгрома Китая: ей было достаточно гарантии ее интересов и безопасности ее населения, живущего в Китае.

Японо-китайская война (июль 1894 – март 1895) могла чувствительно задеть британские интересы. Однако в Англии преобладала точка зрения представителей тяжелой промышленности и англо-индийских

⁶¹ См.: *Дацъишен В.Г.* – Вып. III. – С. 55.

⁶² См.: *Anglo-American and Chinese Diplomatic Materials Relating to Korea: 1887 – 1897.* – Pusan, 1984. – P. 11 – 13.

⁶³ См.: *Pooley A.M.* The Secret Memoirs of Count Hayashi Tadasu. – L.1915. – P. 78 – 45.

кругов: главную опасность для Англии они усматривали в России и готовы были мириться с успехами Японии, надеясь использовать её в будущем против своего старого, соперника – России⁶⁴.

Иной оказалась позиция русского правительства. Озабоченное безопасностью своих владений на Дальнем Востоке, оно не желало встретить там Японию в качестве соседа⁶⁵.

Царское правительство предпочитало на ближайшие годы сохранить во внешней политике в отношении «Поднебесной» территориальный статус-кво⁶⁶.

20 марта 1895 г. начались мирные переговоры Японии с Китаем в Симоносеки, которые закончились подписанием Симоносекского договора 17 апреля 1895 г., крайне невыгодного и для Китая, и для России. В лице Японии у нее появился сильный соперник рядом с ее владениями. Но воздействовать на Японию в тот период было затруднительно. Вооруженные силы России не были готовы к войне на Дальнем Востоке⁶⁷. Вместе с тем, дипломатическими средствами России удалось добиться частичного пересмотра Симоносекского договора, в частности – возвращение Японией Китаю Ляодунского полуострова⁶⁸.

22 мая (3 июня) 1896 г. Россия и Китай заключили в Москве секретный договор об оборонительном союзе против Японии⁶⁹. Этот договор создал для России выгодные условия для расширения ее влияния на Китай. Был использован экономический метод: когда Китаю понадобились деньги на уплату японцам контрибуции, российское правительство дало ему кредит, чтобы он мог выполнить условия договора

⁶⁴ См.: История дипломатии. – Т. 2. – С. 113 – 114.

⁶⁵ См.: там же. – С. 114.

⁶⁶ См.: *Нарочницкий А.Л.* – С. 822.

⁶⁷ См.: История дипломатии – Т. 2. – С. 116.

⁶⁸ См.: *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801 – 1914). – М., 2006. – С. 442.

⁶⁹ См.: Сборник договоров России с другими государствами. – С. 292 – 294.

с Японией. Этот кредит и создание военного союза двух государств ускорили российско-китайское сближение.

Европейские финансисты тоже явно стремились закабалить Китай. Их контроль процесса реализации предоставленного кредита был для царского правительства серьезным препятствием в деле подчинения Китая русскому влиянию.

В сложившуюся ситуацию решительно вмешался С.Ю. Витте. По его инициативе в 1895 г. был основан Русско-Китайский банк. Он был учреждён группой французских банков и одного русского банка под покровительством русского правительства, которое обеспечило своим представителям руководящее положение в правлении.

Устав банка предусматривал самые разнообразные операции на Дальнем Востоке, включая финансирование китайских властей, сбор и хранение налоговых поступлений, получение железнодорожных и иных концессий на всей территории Китая⁷⁰.

Дальновидные действия С.Ю. Витте привели к реальным успехам российской дипломатии в Китае. В конце 1895 г. министру удалось добиться согласия Пекина на продолжение строительства Сибирской дороги через Маньчжурию к Владивостоку. Получение Россией железнодорожной концессии должно было привести к превращению Северо-Восточного Китая в зону русского влияния и к значительному усилению российских позиций в Китае⁷¹.

С.Ю. Витте очень внимательно следил за развитием событий на Дальнем Востоке. Он считал японско-китайскую войну реакцией Японии на строительство Сибирской железной дороги и справедливо полагал, что в разрешении японско-китайского конфликта Россия выступит в роли

⁷⁰ См.: История дипломатии. – Т. 2. – С. 117.

⁷¹ См.: Сборник договоров России с другими государствами. – С. 292;
Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – С. 44.

спасителя Китая, который за это пойдет на уступки Петербургу, в частности разрешит проведение Транссиба через Маньчжурию⁷².

При этом Россия предпочитала сотрудничать на Дальнем Востоке с международным банковским капиталом, избегая связывать свою политику с капиталом исключительно одной какой-либо национальности. Через министерство финансов С.Ю. Витте с этих пор сохранял за собой политическое руководство образованными предприятиями, в случае нужды подкрепляя свою руководящую роль вложениями в них из средств казны⁷³.

Следующим шагом С.Ю. Витте было создание специального фонда для подкупа китайских сановников, чтобы добиться от Китая железнодорожной концессии в Маньчжурии.

С его планом совпало начало борьбы Англии, Франции, Германии и США за железнодорожные концессии в Китае. Дельцы этих стран, желавшие получить железнодорожные концессии, пользовались действенной поддержкой своих правительств, которые рассматривали их притязания не только с экономической, но и с политической точки зрения. Реализация этих проектов означала бы установление железнодорожной связи Маньчжурии с Центральным и Южным Китаем, с его открытыми портами, где царил европейский капитал.

В связи с противодействием западноевропейских государств, переговоры о предоставлении концессии России, по настоянию С.Ю. Витте, было решено перенести из Пекина в Петербург, подальше от конкурентов.

В конце апреля 1896 г. для этих переговоров в Петербург приехал Ли Хун-чжан. Официально он прибыл на коронацию Николая II. Иностранцы в Пекине наперерыв подкупали китайских министров. С.Ю. Витте «тоже дал Ли Хун-чжану огромную взятку»⁷⁴. Переговоры прошли успешно – было подписано несколько соглашений.

⁷² См.: *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. – С.485 – 486.

⁷³ См.: *Романов А.Б.* Россия в Маньчжурии. – С.286 – 287.

⁷⁴ *Рыбачёнок И.С.* – С.486.

Важным результатом переговоров стал также упомянутый выше секретный договор 22 мая 1896 г. об оборонительном союзе против Японии. Для облегчения подвоза войск при выполнении этого договора Китай разрешал России постройку железной дороги через Манчжурию на Владивосток, выдав на это концессию Русско-китайскому банку⁷⁵.

Идея создания русского кредитного учреждения в Китае обсуждалась в Министерстве финансов с 1894 г. Нужда в таком банке обосновывалась строительством Сибирской железной дороги и грядущим развитием торговли и экономики на Дальнем Востоке.

14 июля 1895 г. министр финансов С.Ю. Витте впервые официально представил идею Николаю II, обусловив учреждение Русско-китайского банка помимо уже упомянутых мотивов, обслуживанием китайского займа 1895 г⁷⁶.

Русско-китайский банк оказался финансовым инструментом для достижения политических целей, и в целом это удалось. Именно такой подход позволил банку состояться как серьезному финансовому учреждению, просуществовавшему несколько десятилетий. Было создано два «русских» банка, оба связанных с интернациональным капиталом: Русско-Китайский и Санкт-Петербургский международный банк. Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк собрал как в России, так и в Париже капитал в 7½ млн. руб.⁷⁷ для постройки железной дороги на Владивосток через территорию Маньчжурии.

С этой целью был заключен контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), подписанный китайским

⁷⁵ См.: История дипломатия – Т. 2. – С. 118.

⁷⁶ См.: *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX—начале XX вв. – С. 164 .

⁷⁷ См.: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). – С.198 – 199.

министром Сюй-Цзин-Ченом и представителем Русско-Китайского банка Голуховским 27 августа (8 сентября) 1896 г.⁷⁸

В документ был заложен принцип экстерриториальности площадей, прилегающих к линии, вплоть до охраны строительства и эксплуатации специально созданными российскими военизированными подразделениями.

К началу 1897 г. уже десять экспедиций, снаряженных штабом Восточно-Сибирского военного округа, изучали пограничные районы Маньчжурии и Монголии. Своеволие местного начальства было пресечено Министерством иностранных дел, настоятельно призвавшим военных соблюдать особую осторожность в этом вопросе. В Маньчжурии также тайно работали партии изыскателей Министерства путей сообщения под видом ученых исследователей⁷⁹.

Русское правительство в марте – июне 1897 г. в лице общества КВЖД начало в Пекине дело о расширении и уточнении прав и привилегий Общества и Русско-Китайского банка в Маньчжурии.

Тогда же в Петербурге Русско-Китайским банком и Золотороссом образован был Синдикат для исследования рудных богатств Китая.

В его капитал из 500 тыс. руб. вошел капитал Международного банка в 50 тыс., а в комитете Синдиката, наряду с Ротштейном от Русско-Китайского банка, Нерпином от Золоторосса и Филиппевым от Международного банка, посажен был и пекинский агент Министерства финансов Д.Д. Покотилов, бывший одновременно и членом правления Русско-Китайского банка на Дальнем Востоке.

В свою очередь, А.Н. Куропаткин действовал схожим образом. В.Н. Ламздорф понял, что тот хитрил с министром финансов: на порт-артурских совещаниях глава военного ведомства провоцировал недалекого А.М. Безобразова поднимать вопрос о КВЖД. Несмотря на это, С.Ю. Витте

⁷⁸ См.: Сборник договоров России с другими государствами. – С. 297 – 302.

⁷⁹ АВПРИ. «Китайский стол». Ф. 143. Оп. 491. Д. 1099. Л. 31 – 32.

испытывал некоторый оптимизм: «С Алексеем Николаевичем будет трудно, но, надеюсь, что столкнемся»⁸⁰.

Разграничение сфер влияния в области железнодорожного строительства в Китае соглашениями между Россией и Англией в 1899 г., как ни противился ему С.Ю. Витте, все же произошло. Англия не вела строительство железных дорог к северу от Великой стены, а Россия – к югу относительно бассейна Янцзы⁸¹.

После этого соглашения С.Ю. Витте попробовал выдворить англичан из Маньчжурии опять-таки при помощи банков. Соответствующий план разменяться с Гонконг-Шанхайским банком железнодорожными концессиями, взяв себе все в южной Маньчжурии, а ему отдав все, что южнее Пекина, пущен был в ход при посредничестве члена правления Международного банка, который был привлечён к разработке условий намеченной сделки.

Одновременно, в Русско-Китайском банке русское политическое руководство начало испытывать и некоторую оборотную сторону деятельности сидевших в Париже французских финансистов: их беспокоило, что во время учреждения банка в 1895 г. С.Ю. Витте не сразу согласился на долю французского представительства в правлении, соответствовавшую доле их участия в капитале банка (5/8)⁸².

Летом 1897 г. отношения между русскими и французскими и резидентами в Шанхае обострились настолько, что С.Ю. Витте готов был уже пойти на разделение банка по национальной линии, «категорично заявив французам, чтобы они оставили Россию в покое и,

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 381. Л. 243 – 257.

⁸¹ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 599.

⁸² См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С.484; Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1805 – 1907). – С. 200.

если они недовольны деятельностью банка, то пускай основывают свой собственный»⁸³.

Когда в 1898 г. С.Ю. Витте решил поддержать железнодорожную экспансию банка на юг от Пекина, он прибегнул не только к резкому усилению правительственного участия в капитале банка на 1 200 000 руб., но и провёл в его устав статью об обязательном утверждении личного состава правления русским министром финансов. Число членов правления было доведено до 11 после назначения еще двух новых чиновников министерства⁸⁴.

Железная дорога для России являлась не только средством для экономического проникновения в Центральный Китай, но и необходимой связью незамерзающего порта (Киао-Чао) с Сибирской железной дорогой на земле. Морские порты нужны были России для развития ее торговли с Китаем. Когда немецкие суда 2 (14) ноября 1897 г. вошли в Киао-Чао, В.Н. Ламздорф готов был выразить свой протест в Берлине, защищая первенство России. Пекин был также недоволен действиями Германии: Ли Хунчжан уже 3 (15) ноября 1897 г. обратился к России с просьбой ввести свои суда в этот порт⁸⁵.

Первой реакцией российского МИД стало поручение Ф.В. Дубасову исполнить просьбу китайцев, что могло обернуться русско-германским конфликтом в Китае. Фактически на стороне внешнеполитического ведомства выступил военный министр, полагавший, что и Печилийская, и Шаньдунская китайские провинции входили в сферу русского влияния. Однако морской министр заявил о неудобстве таких действий для России, когда немецкие суда уже находились в порту, и Николай II согласился с ним. Тем более, что реально Петербург ничего не мог сделать, даже если бы российская эскадра появилась в Киао-Чао раньше немецкой. Ей

⁸³ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 599.

⁸⁴ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 484.

⁸⁵ АВПРИ. «Китайский стол». Ф. 143. Оп. 491. Д. 1489. Л. 69 – 70.

пришлось бы гостеприимно встретить немецкий флот из-за Петергофских договоренностей⁸⁶.

В железных дорогах в Китае была заинтересована не только России, но и Великобритания в лице Гонконг—Шанхайского банка. Однако С.Ю. Витте сумел найти компромиссный вариант решения вопроса. Он предложил Русско-Китайскому банку выкупить заем, предоставленный Гонконг-Шанхайским банком китайскому правительству в январе 1899 г. на сумму в 2 300 000 фунтов стерлингов по номиналу, вместе со всеми правами, которые достались этому английскому банку на южно-маньчжурские железнодорожные линии. Со своей стороны русское правительство отказывалось от строительства прямой линии Маньчжурия-Пекин, оставляло в руках китайской администрации линию Шань-Хайгуань-Пекин, а англичанам уступало Шаньсийскую линию, концессию на которую успел получить Русско-Китайский банк. Так как облигации английского займа котировались на бирже по 92 рубля за 100 облигаций, Гонконг—Шанхайский банк получил бы чистых 8% прибыли от суммы займа, т.е. 840. 000 руб.⁸⁷.

Русско-Китайский банк сыграл важную роль в экономическом обеспечении внешней политики правительства России на Дальнем Востоке. К началу русско-японской войны 1904 – 1905 гг. он стал основным каналом для вывоза русских капиталов на Дальний Восток: среди действовавших на территории Китая десяти иностранных кредитных учреждений он занимал второе место после английского Гонконг-Шанхайского банка⁸⁸.

⁸⁶ См.: ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 58. Л. 68.

⁸⁷ См.: Романов Б.А Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1805 – 1907). – С. 200.

⁸⁸ См.: Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич (руководитель проекта) и др. – СПб., 2005. – С. 434

§ 2. Политика Англии в Китае и ее отношения с Россией на Дальнем Востоке в конце XIX в.

В середине XIX в. приоритетной задачей политики Великобритании на Дальнем Востоке было обеспечение прочных экономических и политических позиций в Китае, самой большой и богатой стране дальневосточного региона. Это предполагало необходимость добиваться влияния на внутреннюю политику Китая, а также на взаимоотношения Китая с приграничными, зависимыми от него странами, такими как Вьетнам, Корея и др.⁸⁹.

Подписав англо-китайскую конвенцию 1886 г., Китай признал суверенитет Англии по отношению к Бирме. Англия отказалась от назначения посланника в Тибет. В 1890 г. по требованию Великобритании китайское правительство назначило своего представителя помогать в урегулировании ситуации в Тибете. 17 марта 1890 г. в Калькутте была заключена конвенция в отношении Сикким, установившая протекторат Великобритании над Сиккимом. Эта конвенция помимо обозначения границ между Тибетом и Сиккимом включала статью, по которой Англия имела право вести торговлю с Тибетом, открывала Ятун, что позволило английским торговцам свободно передвигаться и жить в торговых поселениях в Тибете. Прежде, до конца февраля 1890 г., представители Англии никогда не шли в своих притязаниях далее Гиндукуша, который они постоянно называли зоной своего влияния, высказывая лишь опасение, чтобы Россия, в свою очередь, не допускала и мысли о возможности

– 435.

⁸⁹ См.: Новая история стран Европы и Америки (начало 1870-х гг. – 1918 г.) /Под ред. И.В. Григорьевой. – М., 2001. – С. 85.

распространения влияния Англии на Север от этого «естественного рубежа»⁹⁰.

Британия в 1880 – 1890-х гг. осуществляла комплексный анализ дальневосточного региона, исследуя различные участки, начиная с Китая и двигаясь от его центра и границам. Понимание невозможность подчинения Китая по той же схеме, что и Индии, Великобритания действовала иначе, окружая Китай со всех сторон и ставя Пекин в зависимость от его доминионов (Бирма и Тибет).

С 1886 по 1894 г. менялась расстановка приоритетов британской дальневосточной политики. В то время, когда, казалось бы, Китай отходил на второй план, а на первый выдвигались его доминионы (Бирма и Тибет), возникла проблема Кореи; намечалось укрепление экономических и политических взаимоотношений с Японией.

По словам историка А.В. Игнатьева, трудность анализа сложившейся ситуации заключается в ее сложности и многоаспектности.

Прежде всего, следует учитывать значение самой Великобритании как великой державы, игравшей важную роль в мировой политике.

Кроме того, ни одну из указанных выше проблем нельзя рассматривать в отрыве от позиции самого Китая и его отношения к происходившим событиям.

Следует учитывать и интересы Великобритании в Китае, и то, каким образом она выстраивала свои отношения с китайскими доминионами, а также с Японией и Кореей⁹¹.

Уже в 1894 г. Почетный член «Китайской Ассоциации» Р. Гандри, в 1893 – 1894 гг. выражавший интересы британских фабрикантов, отмечал,

⁹⁰ См.: *Покотилов Д.Д.* Китайские порты имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. – СПб., 1895. – Часть 1. – С. 10.

⁹¹ См.: *Игнатьев А.В.* – С. 264.

что «Англия, Китай и Япония должны во взаимных интересах совместно препятствовать вторжению России в Корею с целью захвата»⁹².

Эта формулировка четко объясняла внешнеполитические линии Великобритании на Дальнем Востоке в течение длительного времени. Англия в ходе японо-китайской войны 1894 – 1895 гг., с одной стороны, стремилась удерживать Китай под своим влиянием, – а с другой, постепенно сближалась с Японией. Выгоднее всего для британской буржуазии было сохранить мир между Китаем и Японией и объединить их для борьбы с Россией.

Помимо этого, война представляла опасность для обычного течения дальневосточной торговли. Она могла дать повод к активному вмешательству России.

Во время войны идея Англии состояла в том, чтобы поддерживать status-quo (сохранять территориальную целостность Китая) и защищать интересы британской буржуазии на Дальнем Востоке для сохранения и дальнейшего расширения экономического и политического преобладания Англии в Китае⁹³.

Большую тревогу среди английских экспортёров вызвало явно наметившееся в 1890-х гг. снижение экспорта английских хлопчатобумажных изделий в Китай. Экспорт английской пряжи в Китай возрастал вплоть до 1880-х гг., а тканей — даже до начала 1890-х гг. Затем началось быстрое падение экспорта. Ввоз в Китай английской пряжи, например, упал за десятилетие с 1885 до 1895 г. — почти наполовину⁹⁴. Правда, в это время возрос экспорт из Англии в Китай чугуна и стали, а также различных машин.

⁹² *Gunderi R. Corea, China and Japan// The Fortnightly Review.* – L., 1894. – P. 632.

⁹³ См.: Англия, Китай и Япония накануне войны 1894 – 1895 гг.// Исторические записки / Отв. ред. Б. Д. Греков. – 1946. – Т. 19. – С. 214.

⁹⁴ См.: *Barns E. British Imperialism in China.* – L., 1926. – P. 8.

В англо-китайской торговле огромную роль играл Гонконг-Шанхайский банк, основанный в 1864 г. В 1893 г. его капитал составлял 50 млн. долларов. Вся английская буржуазия в Китае зависела от кредитов этого банка⁹⁵.

Д.Н. Керзон, заместитель министра по делам Индии, писал: в 1891 – 1892 гг. о расстановке политических и экономических сил в дальневосточном регионе: «Дружественные отношения между Англией и Японией помогут России в развитии торговли и промышленности, в чем она идет по стопам Англии, в то же время они утвердят господство Англии на морских путях. Подобное же отношение к Китаю усилит его ... против единственного врага (России), которого он имеет реальные основания опасаться, и облегчит нам доступ к торговле на его территории»⁹⁶.

Несмотря на то, что Симоносекский договор 1895 г. открыл всю территорию Китая для иностранного экономического вмешательства, позиции Великобритании не только не усилились, но и ослабли. Это объяснялось тем, что во второй половине 1890-х гг. значительно активизировали свою политику на Дальнем Востоке Германия, Россия и Франция. Например, первый заем для покрытия контрибуции Китая Японии предоставила русско-французская группа банков. Россия превращала в свою сферу влияния Маньчжурию, Германия – Шаньдун. Фактически британский капитал утратил свою монополию на Дальнем Востоке.

Военная мощь Великобритании на Дальнем Востоке также была подорвана. В 1885 г. военно-морские силы великих держав на Дальнем Востоке распределялись следующим образом: Англия – 59 тыс. т, Россия также 59 тыс. т, Франция – 29 тыс. т, Германия – 23 тыс. т.⁹⁷

⁹⁵ См.: Англия, Китай и Япония накануне войны 1894 – 1895 гг. /Исторические записки / Отв ред. Б.Д. Греков – 1946. – Т. 17. – С. 203.

⁹⁶ Curzon G.N. Problems of the Far East. Japan – Korea – China. – С. Р.419.

⁹⁷ См.: Гальперин А. Англо-японский союз. – М., 1947. – С. 36.

Слабой стороной британских позиций было отсутствие возможности быстрой поддержки действий флота сколько-нибудь значительными сухопутными силами⁹⁸.

После захвата Вейхайвей, Англия принудила Китай подписать в 1898 г. также конвенцию о расширении территории Гонконга⁹⁹. Таким образом, именно на почве агрессии против Китая и борьбы против интересов России на Дальнем Востоке возникла идея заключения общего англо-германского союза. Переговоры о нем оказались безрезультатными. Это заставляло Англию многократно пытаться договориться с Россией о разделе Китая.

В ходе поисков союзников английское правительство пыталось найти общий язык с Россией с тем, чтобы достигнуть широкого общеполитического соглашения¹⁰⁰. В январе 1898 г. Р.Солсбери, премьер Великобритании, предложил России раздел Китая, но она отвергла его.

Убедившись, что нельзя достичь договоренности с Россией на почве раздела Китая, Англия искала нового союзника против нее¹⁰¹.

Тем не менее, переговоры с Россией по поводу урегулирования спорных вопросов в Китае продолжались. В их ходе Великобритания пыталась сгладить русско-английские противоречия.

Поводом к началу англо-русских переговоров по Китаю стал вопрос о предоставлении Пекину займа в 100 млн. лан (примерно 140 млн. руб.), возникший летом 1897 г. В соревновании за него обе стороны не хотели уступать. С инициативой англо-русских переговоров в разгар соперничества двух стран по поводу китайского займа выступил Лондон, предложив двум империям договориться по широкому кругу спорных вопросов на Дальнем и Ближнем Востоке.

⁹⁸ См.: *Ефимов Г.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. – М., 1951. – С. 106.

⁹⁹ См.: *Treaties, Conventions...* - P. 539.

¹⁰⁰ См.: *История дипломатии* – Т.2. – С. 127.

¹⁰¹ См.: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С. 102.

Однако ход переговоров фактически был нарушен требованием России к Китаю предоставить ей один из незамерзающих портов на тихоокеанском побережье.

После длительных дебатов в российском правительстве был выбран порт на Ляодунском полуострове – Порт-Артур. Директива министра иностранных дел М.Н. Муравьева предписывала вести русскую эскадру к Порт-Артуру. Он был выбран в связи с тем, что на эту территорию претендовала и Великобритания.

Захват Порт-Артура Англией означало бы ее проникновение в Маньчжурию, которую Россия считала сферой своих интересов. Поэтому под нажимом М.Н. Муравьева на Особом совещании 26 ноября 1897 г. было принято решение об оккупации Ляодунского полуострова. Командующий эскадрой Тихого океана контр-адмирал Ф.В. Дубасов получил указание послать отряд судов в Порт-Артур. Китай опасался захвата этого пункта Англией, и поэтому не протестовал против действий России.

15 (27) марта 1898 г. после сложных переговоров была заключена конвенция между Россией и Китаем о безвозмездной аренде Ляодунского полуострова с Порт-Артуром на 25 лет.

Порт-Артур стал главной базой русского военно-морского флота на Дальнем Востоке. Порт-Артур получил статус военного порта, открытого только для русских и китайских военных кораблей. Для военных и коммерческих судов других стран он объявлялся закрытым. Кроме того, Россия получила право на строительство Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), которая должна была соединить военную базу Порт-Артур и торговый порт Дальний (Далянь) с КВЖД и Транссибом¹⁰².

Захват Порт-Артура Россией вызвало неоднозначную реакцию западноевропейских держав. Франция – союзник России – вынуждено

¹⁰² См.: Русско-китайские отношения 1689 – 1916. Официальные документы. – С. 78 – 79.

промолчала. Кайзер Вильгельм послал Николаю II телеграмму, поздравляя с бескровной победой¹⁰³.

Иной была позиция Великобритании. В ответ на конвенцию об аренде Ляодуна последовала исключительно резкая реакция правительства Р. Солсбери и британского парламента. Дж. Чемберлен, член парламента, заявил: «Если садишься обедать с чертом, ты должен взять с собой очень длинную ложку»¹⁰⁴. Под нечистой силой подразумевалась Россия, а под ложкой – как английская идиома – штык, т.е. вооруженное сопротивление. «В будущем нам придется посчитаться с Россией в Китае, также, как и в Афганистане. Великобритания должна была бы объявить России войну, однако мы не можем, не имея союзника, нанести ей серьезного ущерба»¹⁰⁵.

В английской прессе тоже была поднята шумиха, но самое главное, в ней активно высказывалась идея о необходимости англо-японского союза на Дальнем Востоке¹⁰⁶.

Из приведенного материала видно, что русско-английские отношения резко ухудшились, но о военном противостоянии речи не было. Как уже указывалось: противоречия Англии и Франции (Фашодский кризис 1898 г., Англо-бурская война) исключали возможность прямой войны Англии с Россией на Дальнем Востоке.

Для России приобретение Порт-Артура явилось поворотным пунктом в ее дальневосточной политике: начатое мирное экономическое проникновение в Китай было грубо нарушено силовым захватом Ляодунского полуострова. Сохранение прежних отношений с Пекином стало невозможным, тем самым курсу С.Ю. Витте был нанесен

¹⁰³ См.: Переписка Вильгельма II с Николаем II. – М., 1923. – С. 23.

¹⁰⁴ *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. – М., 1951. – С. 418.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ См.: Записки графа Хаяси об англо-японском союзе. // Известия Министерства иностранных дел. – С. 322.

непоправимый удар. Более того, эта аннексия стала «первым шагом» к русско-японской войне¹⁰⁷.

К 1899 г. накал страстей по поводу аннексии Ляодунского полуострова Россией понемногу утих. Англия, признав для себя невозможность военных демонстраций против России, вновь перешла на русско-английские переговоры о разделении сфер влияния в Китае.

16 (28) апреля 1899 г. было подписано русско-английское соглашение о разграничении железнодорожного строительства в Китае. Оно гласило: «Россия не будет препятствовать никаким железнодорожным предприятиям Великобритании в районе Янцзы, а Великобритания, в свою очередь, не будет мешать аналогичным предприятиям России к северу от Великой Китайской стены»¹⁰⁸.

Кроме того, в качестве компенсации Великобритания 1 июля 1899 г. арендовала у Китая порт Вейхайвей «на тот срок, пока Порт-Артур будет оставаться во владении России»¹⁰⁹.

Таков был практический результат, который извлекла Россия из международной ситуации, сложившейся на Дальнем Востоке к концу XIX в. Она закрепила свое военное присутствие в регионе, сохранила под своим влиянием Маньчжурию и создала основу для развития торговых связей с Китаем.

* * *

Начало активного проникновения России в Китай во второй половине XIX в. было вызвано как экономическими, так и геополитическими причинами. Его стимулировала агрессивная политика по отношению к Китаю со стороны западноевропейских держав. На

¹⁰⁷ См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. – СПб., 2003. – Т. 2: Рукописные заметки.

¹⁰⁸ *Игнатьев А.В.* С.Ю. Витте – дипломат. – С.250.

¹⁰⁹ Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. – С. 352.

повестке дня фактически стоял вопрос о разделе Китая. С этой точки зрения, Россия не могла допустить появления на своих дальневосточных границах одной или нескольких западноевропейских держав.

Во второй половине 1890-х гг. Россия первоначально осуществляла путь мирного сотрудничества с Китаем. Это выражалось в его политической поддержке на международной арене, финансово-экономическое проникновение России в Китай сопровождалось значительными денежными субсидиями.

Главным инициатором и проводником этой политики был министр финансов России С.Ю. Витте. Его курс к концу XIX в. привел к значительным успехам и укреплению позиций России, как в Китае, так и на всем Дальнем Востоке.

Однако взглядам и деятельности С.Ю. Витте противостояла другая точка зрения, которую разделяла часть российской политической элиты. Она настаивала на применении не только экономических, но и силовых методов в отношениях с Китаем.

В материалах главы отмечено, что аннексия Квантунского полуострова с Порт-Артуром стала вехой в политике России на Дальнем Востоке, нанесла удар по курсу, сторонником которого был С.Ю. Витте.

Главным противником России в Китае была Великобритания, которая уже с 1840 – 1850-х гг. сочетала методы экономического и финансового закабаления «Поднебесной» с применением грубой военной силы. Именно английское правительство оказывало наиболее активное сопротивление российским действиям, направленным на проникновение в Китай. С одной стороны, этому способствовали долговременная политика Англии и ее традиционные связи с Китаем, с другой – препятствовало сложное международное положение Великобритании в конце XIX в.

Бесспорно, что ее экономические и торговые связи с Китаем были в значительной степени объемнее и эффективнее российских. Однако в одиночку Англии, находившейся в изоляции на международной арене,

было нелегко справиться с растущей экспансией России на Дальнем Востоке.

Если часть английских политических деятелей и представителей торгово-финансовых групп призывали бросить России открытый военный вызов, то в правительственных кругах придерживались значительно более умеренных взглядов.

Естественно, что Россия также не стремилась к открытой военной конфронтации с Великобританией. Этим объяснялись их обоюдные попытки (во многом безрезультатные) договориться между собой об урегулировании спорных вопросов на Дальнем Востоке. Единственным примером компромиссного решения стало соглашение 1899 г. между Россией и Великобританией о разделе сфер железнодорожных интересов в Китае.

Попытки Великобритании уладить спорные англо-русские вопросы сопровождались ее поисками союзников на Дальнем Востоке. Предпринятая попытка договориться с Германией оказалась бесплодной. Однако после победы в японо-китайской войне 1894 – 1895 гг. Япония стала рассматриваться державами как одна из серьезных сил в дальневосточном регионе.

В связи с этим в конце XIX в. британская дипломатия повернулась лицом к Японии, что, в конечном итоге, привело к образованию военно-политического англо-японского союза в начале XX в.

Глава II

Русско-английские политические и экономические отношения на Дальнем Востоке в начале XX в.

Цель данной главы – реконструировать детали русско-английских отношений на Дальнем Востоке в начале XX в.

Задачи главы:

1) дать сравнительный анализ путей закабаления Китая российскими и британскими политическими кругами, промышленными и финансовыми группировками;

2) показать борьбу России за овладение Маньчжурией и противодействие этому со стороны западных держав, в первую очередь, Англии;

3) рассмотреть политику Великобритании на Дальнем Востоке в указанный период и ее борьбу против усиления позиций России в Китае.

В начале XX в. Китай испытывал серьезные финансово-экономические и социально-политические трудности (фактически, кризис).

Во-первых, тяжелое внутреннее положение «Поднебесной» обуславливалось природными катаклизмами 1898 г. (засухи, наводнения) и социальными восстаниями (Ихэтуань, 1898 – 1901), направленными и против правительства, и против иностранцев, закабальвавших страну.

Во-вторых, Китай переживал финансово-экономический кризис, так как чтобы иметь средства для выплаты Японии контрибуции после японо-китайской войны он получил кредиты у Русско-Китайского банка, проценты по которому тяжелым бременем ложились на население страны.

В-третьих, Китай все больше попадал в экономическую и политическую зависимость от всех держав, проникавших в Китай и требовавших открытия портов для практического претворения экономических интересов своих правительств и биржевых кругов.

§ 1. Дальневосточная политика России в начале XX в.: экономика, финансы

1 января 1901 г. русским правительством было принято решение об отмене порто-франко на Дальнем Востоке. Свободно ввозились лишь продовольствие и техника, в первую очередь, сельскохозяйственная.

Оценивая данный шаг российского правительства, необходимо признать, что он, бесспорно, был сделан в интересах буржуазии центра, хотя в меру возможности в нем были учтены и стремления дальневосточных предпринимателей.

Располагая данными официальной статистики о вывозе России в русские порты Тихого океана, опубликованными в журнале «Вестник финансов, промышленности и торговли» за 1897–1902 гг., можно сделать вывод, что отмена привела к росту в 3–5 раз вывоза из России в этот регион бумажных тканей, сахара, табака, вин, металлоизделий и др.

Свободно привозились в край зерно, скот, масло и другая сельскохозяйственная продукция, на переработку которой была ориентирована местная промышленность, прежде всего мукомольная. Возникшая в период этого подъема при строительстве железных дорог, она нуждалась в привозном сырье, так как местные крестьянские хозяйства не могли обеспечить производственные мощности всех мельниц.

У торговых домов находились на содержании грузовые пароходства по Амуру и Сунгари, что решало проблему скупки и доставки зерна. Для ограждения себя от конкуренции приамурские мукомолы настаивали на введении пошлин на муку, в том числе маньчжурскую. Тем самым была сохранена 100-верстная сухопутная зона свободной торговли¹¹⁰. В неизменности такого положения были заинтересованы также владельцы многочисленных пивоваренных и винокуренных заводов края, которым было необходимо дешевое сырье. Для винокуров Маньчжурия представляла особый интерес как возможный рынок сбыта продукции. По подсчетам водочного короля Пьянкова в Приамурье производилось сверх потребности 4 млн. градусов алкогольной продукции, не считая 10 млн. градусов импортной. На Маньчжурский регион ориентировались и

¹¹⁰Троицкая Н.А. Русская дальневосточная буржуазия и северо-восточный Китай // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. – Владивосток, 1996. – Т. 1. – С. 57.

владельцы спичечных фабрик во Владивостоке и Благовещенске. Однако эти желания в основном оставались не реализованными, так как русские товары в Китае не выдерживали конкуренции с иностранными ни по цене, ни по качеству¹¹¹.

Предпринимая строительство Сибирского пути, в Петербурге, конечно, рассчитывали, что и текстильная, и металлургическая, и нефтяная русская промышленность возьмет свое от вывоза ее продукции в Китай, не говоря уже о самой Сибири, и что это будет связано с открытием движения по новой железной дороге. И это верно, что русский вывоз в Китай с 1902 по 1903 г., когда было открыто постоянное движение и по КВЖД, сразу же скакнул с 9 млн. руб. на 22 млн.¹¹²

Нисколько не удивительно при таких обстоятельствах, что когда летом 1900 г. дело дошло до образования упомянутого выше Синдиката акционерного общества под названием Монголор, были приняты шаги к тому, чтобы расширить состав этого нового предприятия участием в нем бельгийского капитала, к 1900 г. успевшего вложить в русские ценности 424 млн. франков¹¹³.

Только летом 1901 г., когда Петербург, как будто, уже понял, что Япония поставила «разрыв» с Россией себе прямо намеченной целью, он решил ограничить свои вторичные требования Китаю одной только Маньчжурией, не трогая уже ни Монголии, ни Западного Китая. Покушение на территорию Монголии было резко пресечено самим С.Ю. Витте и изображено им как самовольное деяние А.Ю. Ротштейна¹¹⁴.

¹¹¹ См.: *Троицкая Н.А.* Русская дальневосточная буржуазия и северо-восточный Китай // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. – Владивосток, 1996. – Т. 1. – С. 58.

¹¹² См.: *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. – С. 597.

¹¹³ См.: там же. – С. 599.

¹¹⁴ См.: *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. – С. 600.

Россия по структуре своей внешней торговли занимала промежуточное положение: она выступала в одинаковом качестве экспортера сырья и продовольствия для развитых и импортера для отсталых стран. Наиболее четко необходимость новой торговой политики сформулировал С.Ю. Витте в 1900 г. Его программа превентивного захвата азиатских рынков, начавшая осуществляться еще в 1890-х гг., исходила из возможности удачной конкуренции продукции русских фабрик там с западными товарами. Однако Россия была далеко не первой на дальневосточных рынках. Такие реляции все чаще приходили в Петербург с дальневосточной окраины. Несмотря на некоторое увеличение его закупок к началу XX в., будущее чайных операций выглядело не очень обнадеживающим¹¹⁵.

В политике на Дальнем Востоке, как в малой капле воды, можно видеть отражение того общего процесса перехода русского капитализма в высшую империалистическую стадию, который в 1890-х гг. совершался в условиях необычайного промышленного подъема.

Этому способствовал колоссальный приток в Россию европейского капитала, на основе которого она легко усваивала его последние организационные формы. Вывоз иностранного капитала в Россию осуществлялся на основе чрезвычайно высокого покровительственного тарифа. Россия при этом, сознательно в «системе» С.Ю. Витте, расплачивалась за эту «школу» 500 млн. руб. в год в виде переплат против мировых цен (русские рельсы для Сибирской железной дороги 2 руб. за пуд вместо 75 коп. за пуд английских), лишь «временно» предоставляла свой рынок капиталу разных национальностей, а на Дальнем Востоке ревниво при этом оберегала свою политическую самостоятельность,

¹¹⁵ *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX—начале XX вв. – С. 120.

организуя, в свою очередь, вывоз туда русского и иностранного капитала под своим руководством¹¹⁶.

Однако усилия С.Ю. Витте продолжать борьбу за рынок вывоза русского капитала, поскольку они явственно грозили войной (а если и не войной, то колоссальным ростом расходов на оборону именно на Дальнем Востоке), становились рискованными с точки зрения не только английской буржуазии, но и французской биржи, которая была гораздо больше озабочена участием царских финансов в целом, чем возможностью развития Русско-Китайского банка в Маньчжурии. Таким образом, от своего союзника (Франции) политика России на Дальнем Востоке не получала поддержки¹¹⁷.

В 1901 г. стало заметно, что и сам С.Ю. Витте, потерпев некоторую неувязку в своем «тресте», сказавшуюся в рискованном демарше «Монголора» в направлении на Калган—Пекин, поддался опасению перед возможными дальнейшими неувязками подобного рода, когда и внешняя, и внутренняя обстановка требовала быть всегда начеку. Хлопоча, например, о монополии для Русско-Китайского банка в Маньчжурии летом 1901 г., С.Ю. Витте готовился на случай удачи связать банк строжайше отредактированным договором, лишавшим банк всякой тени самостоятельности по отношению к министру финансов в концессионной политике в Маньчжурии.

Вероятно, эти условия, бывшие результатом затянувшегося экономического кризиса, а также некоторое охлаждение по французской линии и раздуваемые А.М. Безобразовым подозрения относительно правильности курса С.Ю. Витте на союз с интернациональным банковским капиталом, толкнули его летом 1902 г. на образование Маньчжурского горнопромышленного товарищества. Оно было создано целиком на

¹¹⁶ См.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX—начале XX вв. – С. 120.

¹¹⁷ *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. – С. 476—477.

средства казны и вне подлинной связи с Русско-Китайским банком. Однако А.Ю. Ротштейну было предоставлено фактическое рабочее участие и на основе заинтересованности банка в половине прибылей в обмен на «всякую поддержку, как влиянием, так и опытом, и персоналом банка»¹¹⁸.

Та же тенденция сказывалась и в том, например, что летом 1902 г. весь третий выпуск акций банка более 3 млн. руб. С.Ю. Витте забрал в казну на случай каких-нибудь дальнейших трений с французами, фактически добиваясь этим преобладающего участия и в капитале банка (более 40%)¹¹⁹.

В условиях обоих кризисов, как экономического внутри страны, так и политического в международных отношениях, сохранение руководства сложившимся на Дальнем Востоке комбинатом, отдельные члены которого к тому же явно в данный момент клонились к упадку и краху, требовало усиления и капитальных вложений казны.

То, что состояние рынка капиталов теперь станет в резкое несоответствие с масштабами и темпами проводимой им политики, С.Ю. Витте понимал с самого начала кризиса.

Даже, когда после оккупации Маньчжурии политический момент представился ему чрезвычайно благоприятным для захвата маньчжурских недр и лесов, он ясно видел, что в России был «недостаток в капиталах даже для эксплуатации ее собственных природных богатств, и потому едва ли найдутся у России средства для разработки рудных месторождений Китая»¹²⁰. Но он, будучи оптимистом, был «глубоко убежден», что «если

¹¹⁸ Романов Б.А. – Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С.205.

¹¹⁹ См.: там же. – С. 376–377.

¹²⁰ Письмо С.Ю. Витте Сипягину 12 июля 1901 г. // Красный Архив. – 1926. – № 5 (18). – С.45.

царизм будет держаться существующей экономической политики, то через года два все опять войдет в норму»¹²¹.

По его мнению, следовательно, нужно было продержаться год – два и во внешней политике. Это означало, что в связи с сокращением размеров частного капитала, необходимо было проводить активную государственную политику, рассчитанную на «мирные», чисто экономические методы.

С.Ю. Витте не колебался сосредоточить все богатства Маньчжурии не в руках частного банка, а в руках казенного Общества КВЖД, подготавливая свои концессионные требования в первом туре сепаратных переговоров с Китаем.

И только во втором туре, когда можно было думать, что отстранение этого казенного предприятия и замена его частным банком, в прибылях которого Китай хоть несколько был заинтересован через внесенный им туда «коммандитный» капитал в 5 млн. руб. (который, не давая права голоса, давал право участия в дивиденде), может облегчить сделку, С.Ю. Витте перевел переговоры о промышленной монополии на Русско-Китайский банк. Рассматривал же он его только как «подставное лицо», которое и шагу не могло делать без указания министра. А когда к осени 1901 г. усилиями русских дипломатических агентов в Маньчжурии две из трех ее провинций, Гиринская и Хэйлунцзянская, оказались применительно к предполагаемым золотоносным площадям, расписанными между десятком русских концессионеров золотопромышленных компаний и частных-одиночек, С.Ю. Витте просто не верил в серьезность и прочность этой комбинации¹²².

Неудивительно, что 4 февраля 1902 г. тотчас же после срыва переговоров в Пекине об общей монополии банка С.Ю. Витте принял свои

¹²¹ Там же.

¹²² См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 125, 326, 368, 372.

меры, чтобы на деле обеспечить за русским правительством права на все мыслимые в Маньчжурии промышленные концессии посредством отдельных, совершенно конкретных соглашений Русско-Китайского банка с провинциальными властями. В этих целях он потребовал, чтобы дипломатические агенты в Маньчжурии перестали оказывать поддержку русским частным предпринимателям, а сосредоточили бы ее исключительно на агентах банка. Сделал он это во избежание того, чтобы значительная доля участия в капитале и в распоряжении делами при этом не ушла в руки иностранных подданных и «вообще в нежелательные нам руки»¹²³.

Он угадал – когда подошли сроки для действительных вложений в разработку расписанных концессионных площадей, большинство заявителей оказалось не в состоянии осуществить свои права. Между тем у него были сведения, что иностранные скупщики китайских концессий в Маньчжурии, еще недавно считавшие свои шансы потерянными, теперь были убеждены, что Россия проиграла дело в Маньчжурии, и весной 1902 г. бросятся туда за получением новых концессий. Он торопил теперь своих банковских агентов на месте возможно энергичнее заняться скупкой концессий на добывание золота, железа, нефти, никеля и каменного угля, на эксплуатацию лесов по р. Ялу и «на другие крупные предприятия»¹²⁴.

Что же касается Матюнинского лесного начинания, то оно, усердно бойкотируемое Русско-Китайским банком, никакой концессии в 1902 г. в Маньчжурии не добилось, и имевшиеся 130 тыс. руб. кабинетских денег на это дело прошли незаметно, по-видимому, на организационные расходы.

Таковы были попытки на деле завладеть промышленными объектами в Маньчжурии после неудачи с получением формальной монополии на них по общему договору 30 января (12 февраля) 1902 г. с пекинским правительством. Представители обеих политических групп – и империалистической, и феодальной, хлопотали вокруг этого дела, причем в

¹²³ Там же. – С.369.

¹²⁴ Там же. С. 383.

обоих случаях в это время шла речь о вложениях целиком из средств казны.

Дипломатические же усилия данных групп были направлены на то, чтобы формально-правовым способом защитить возможность в будущем, когда все войдет в норму, взять свое русским предпринимателям от промышленной эксплуатации Маньчжурии.

Мало того, как только сорвалось дело с договором о концессионной привилегии Русско-Китайского банка в Маньчжурии, С.Ю. Витте распорядился о скупке всевозможных маньчжурских концессий и образовал для планомерной постановки этой операции особое Маньчжурское горнопромышленное товарищество.

Побывав, наконец, в Маньчжурии осенью 1902 г. С.Ю. Витте сам же и поднял вопрос о необходимости новой железнодорожной концессии на линию от ст. Куанченцзы к Гириню, потому, что считал необходимым предварительно вывести русские полевые войска и занять войсками пограничной стражи все главные города Маньчжурии¹²⁵.

Относительно же полосы отчуждения по КВЖД С.Ю. Витте тогда же выступил с проектом ее заселения и даже образования целых солдатских поселков из нижних чинов, увольняемых в запас. Немудрено, что во французском посольстве в Петербурге заговорили о резкой перемене взглядов, происшедшей у С.Ю. Витте под впечатлением виденного им в Маньчжурии, о том, что, по его мнению, эвакуация ее теперь невозможна и, если она начата, «было бы полезно найти способы ее замедлить, чтобы свести ее на нет»¹²⁶.

Между тем, к концу 1902 г. русское правительство признало необходимость ограничить свою деятельность на Дальнем Востоке только Маньчжурией¹²⁷.

¹²⁵ *Витте С.Ю.* Воспоминания. – Т. I. – С. 155.

¹²⁶ *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. – С. 412—414.

¹²⁷ Там же. – С. 223.

§ 2. Политическая борьба России за Маньчжурию и противодействие западноевропейских держав

После окончания Боксерского восстания и некоторой стабилизации внутреннего положения в Китае основной проблемой внешней политики России стало укрепление своего влияния в Маньчжурии, завершение строительства КВЖД и обеспечение наиболее благоприятных условий эксплуатации этого участка Дальневосточной железной дороги.

Строительство и организация движения по КВЖД требовали значительных средств и финансовых вливаний. Ситуация усложнялась тем, что западноевропейские державы (и особенно Великобритания) препятствовали России в решении этих вопросов. Неоднозначную позицию занимал и Китай, который, с одной стороны, был заинтересован в политической и финансовой поддержке со стороны России, а с другой – опасался ее чрезмерного усиления в Маньчжурии. Особый страх, как Китая, так и западных держав вызывала угроза аннексии этой территории Россией.

Еще в 1898 г. охрана КВЖД была увеличена с 2 тыс. до 5 тыс. человек, чего было явно недостаточно не только для защиты, но даже и для наблюдения за линией железной дороги. В результате имевшиеся охранные части, даже усиленные пятью железнодорожными батальонами, не смогли справиться с ситуацией, связанной с восстаниями на территории Китая. Финансовые потери только от разрушения уже построенных участков КВЖД составили 70,1 млн. рублей. Контроль большей части КВЖД и ЮМЖД был временно потерян. Движение Ихэтуань к середине июня перебросилось уже и в Маньчжурию, после чего железная дорога оказалась разрушенной чуть ли не целиком. С.Ю. Витте самому пришлось просить о

вводе русских войск на всю территорию дороги (26 июня)¹²⁸. Это повлекло за собой мобилизацию до 150 тыс. человек и форменную оккупацию к осени 1900 г. всей Маньчжурии.

В эти годы возросло английское влияние в Пекине, прежде всего, в результате ослабления позиций русской дипломатии¹²⁹. М.Н. Муравьев считал, что таковы были неблагоприятные симптомы в начале XX в. для дальнейших планов русской империалистической, КВЖД и банковской политики на Дальнем Востоке¹³⁰.

В начале XX в. усилились противоречия в правящих кругах Российской империи, связанные с разногласиями по поводу дальнейшей политики в Китае и, в первую очередь, в Маньчжурии.

Провозглашение отказа от захвата Маньчжурии и обещание вывести оттуда свои войска было, безусловно, торжеством политики С.Ю. Витте и поражением А.Н. Куропаткина (пока, конечно, только принципиальным).

В дальнейшем А.Н. Куропаткин всегда неохотно соглашался на вывод войск, особенно из северной Маньчжурии, и до последнего момента стоял за присоединение этой территории к России по военно-стратегическим, в первую очередь, соображениям¹³¹.

Фактически С.Ю. Витте и в дальнейшем, до самого дня своего падения, сосредоточивал в своих руках пружины и нити всей дальневосточной политики с момента безграничного подчинения себе ведомства иностранных дел в лице первоклассного дипломатического техника – министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа.

¹²⁸ См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. – Т. 1. – С. 135.

¹²⁹ См.: *Айрапетов О.Р.* С. 452.

¹³⁰ *Романов Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX–начало XX в.). – М., 1987. – С. 118.

¹³¹ См.: *Богданович А.В.* Три последних самодержца. – М., 1923. – Т. 3. – С. 102, 160.

Его назначение на этот пост было особенно важно для С.Ю. Витте, в связи с покушением на его умеренный курс в Китае со стороны экспансионистски настроенных политиков.

Сущность правительственных разногласий блестяще вскрыл С.Ю. Витте в письме министру внутренних дел Д.С. Сипягину: «Алексей Николаевич (генерал-адмирал, великий князь – Э.Ч.) как всегда зарывается – сам начал переговоры с дипломатами, мобилизовал до 150 тыс. войск и все хочет лезть вперед, Китай обезоружить, японцев устранить, Пекин взять и даже под шумок залезть в Корею. Граф Ламздорф, конечно, всему этому не сочувствует и даже хочет действовать успокоительно, но куда довольно неуспешно... Куропаткин, конечно, – идти и всех разгромить»¹³².

После окончания Боксерского восстания начались переговоры великих держав о возмещении понесенных ими убытков.

Русская дипломатия вместе со всеми державами проделала всю процедуру пекинских переговоров, и из 500 млн. руб., которые Китай обязался уплатить в возмещение их «убытков», на долю России пришлось около 184 млн. руб.

Формально был прав В.Н. Ламсдорф, с гордостью заметив, что это был «редкий пример вполне оплаченной войны»¹³³. На деле вся эта сумма была рассрочена на длительный срок, а уплаты в счет нее поступали впоследствии неаккуратно¹³⁴.

Одновременно Россия начала сепаратные переговоры с Китаем о дальнейших судьбах оккупированной Маньчжурии. Перед С.Ю. Витте вновь встал призрак ее «захвата», пропагандируемый сторонниками силовых методов в Китае. По его мнению, достаточна была и та «охранная стража» КВЖД, которую С.Ю. Витте, в качестве ее «шефа», готов был раздувать до любого размера, способного исключить надобность в

¹³² Красный архив. – 1926. – № 1 (14) – С. 23.

¹³³ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – С. 262.

¹³⁴ См.: там же. – С. 262.

пребывании здесь русских войск — как «реальной» угрозы войны. В одной из межминистерских дискуссий (1901) по поводу вывода из Маньчжурии русских войск А.Н. Куропаткин сказал: «Мы, в сущности, будем уводить одни войска, но заменять их другими... а для Европы, Америки и Японии дело не в замазывании и не в форме, для них, несомненно, лишь одно: полной передачи Маньчжурии Китаю мы не хотим, ибо оставляем железные дороги в русских руках, и на этих железных дорогах будем иметь довольно много русского войска»¹³⁵.

В первоначальном же проекте, на котором настаивал С.Ю. Витте, требовались:

- удаление китайских войск из Маньчжурии навсегда;
- разрешение уплаты всех пошлин и податей русскими деньгами;
- передача всех таможен в Маньчжурии «в заведывание» Общества КВЖД;
- передача ему же всех казенных и частных земель в Маньчжурии с месторождениями золота, нефти, никеля, каменного угля; расширение полосы отчуждения по всей линии КВЖД до 10 верст;
- отвод Обществу участка в 2 тыс. кв. верст с хорошим строевым лесом на корейской границе по р. Ялу с правом проведения там дорог, телеграфных и телефонных линий;
- отвод участков земли для коммерческой эксплуатации в портах Цинь-вандао и Инкоу в спорной с англичанами крайней юго-западной части Маньчжурии, а также в устье Ялу и на одном из островов близ этого устья — и все это с правами управления и содержания военной охраны в этих землях¹³⁶.

Эта программа легла в основу переговоров России с Китаем в марте 1901 г. В Петербурге при этом так верили в магическую силу миллиона рублей, обещанного за проведение этой сделки Ли Хун-чжану, что не

¹³⁵ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. — С. 315.

¹³⁶ См.: там же. — С. 296 – 299.

приняли других мер и пустили дело на самотек. Там не ожидали, что содержание русских «сепаратных» предложений будет передано Ли Хунчжаном западным державам. Англия заявила протест Китаю, и Китай, ссылаясь на это, отказался от подписания подобного соглашения¹³⁷.

Такова была первая неудачная попытка укрепить «полное влияние русского правительства в Маньчжурии — до окончания общих пекинских переговоров»¹³⁸.

Урок, данный западными державами российскому правительству в срыве переговоров, оставлял царской дипломатии выбор: либо приступить к эвакуации Маньчжурии без всяких условий, либо попытаться договориться с Японией о каком-либо разделе сфер влияния, чтобы прочие конкуренты оставались в Китае без сколько-нибудь серьезной сухопутной военной силы; наконец, можно было пойти на продолжение оккупации Маньчжурии, заявив об «открытии дверей» для торговой и промышленной деятельности иностранному капиталу.

Во всяком случае, спокойно выжидать дальнейшего хода событий, как заявил В.Н. Ламсдорф в правительственном сообщении, опубликованном после полученного афронта, т.е. просто топтаться на месте, означало, по существу, двигаться навстречу повторному афронту, — хотя бы потому, что в конце лета (1901) надо было ждать окончания общих переговоров и эвакуации Пекина.

После их завершения можно было ожидать коллективного демарша западных держав и Японии с требованием вывести войска из Маньчжурии. Кроме того, к концу 1901 г. ожидалось завершение перевооружения сухопутной японской армии, что делало ее полноценным серьезным противником России на Дальнем Востоке¹³⁹.

¹³⁷ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. — С. 301–305.

¹³⁸ Там же. — С. 305.

¹³⁹ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по

Переговоры с Японией (визит Ито в Петербург в ноябре 1901 г.) по поводу Кореи и Маньчжурии оказались безрезультатными. Не было подписано никакого соглашения. Дело ограничилось лишь консультациями.

В.Н. Ламсдорф отсюда сделал практический вывод о необходимости скорейшей подготовки полной эвакуации Маньчжурии. Ибо «при малейшем неосторожном действии со стороны наших военных властей на месте, нередко склонных предъявлять требования по праву завоевания и указывать на сделанные в Китае приобретения штыком и кровью, возможно, всегда ожидать перехода Японии к активной политике»¹⁴⁰.

В результате неудачных переговоров в Петербурге возник новый план российской дипломатии: отдать Корею Японии и самим открыто отказаться от «захвата» Маньчжурии.

Однако Россия не была готова уйти из Маньчжурии без всяких условий. Это понималось как «ограждение» интересов Общества КВЖД, потому что в число сформулированных тогда же в Петербурге условий возвращения Китаю Южно-Маньчжурских железных дорог финансовое ведомство включило требование о предоставлении Обществу КВЖД концессии на линию к Пекину и именно это и выдавалось за «ограждение» интересов КВЖД.¹⁴¹

Из документальных публикаций, имеющих в настоящее время, известно, что с января 1901 г. Лондон был центром взаимных зондирований и неофициальных бесед между английской, японской и германской сторонами. Речь шла о том, при каких условиях Япония пошла бы на выступление против России из-за Маньчжурии. Германия готова

истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – С. 310.

¹⁴⁰ Переписка министра ин. дел В. Н. Ламсдорфа с другими членами царского правительства и российскими представителями в Японии и других странах относительно политики царского правительства на Дальнем Востоке. //Красный Архив. – 1934. – № 2 (63). – С. 31.

¹⁴¹ См.: Романов Б.А. – Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С. 147.

была обещать строгий нейтралитет, Англия не отказывалась обсуждать вопрос о помощи флотом, Япония решительно заявляла, что не остановится перед войной без посторонней помощи из-за Кореи, но в случае войны из-за Маньчжурии ее тревожил вопрос о позиции, какую займет Франция как союзница России.

18 (31) июля 1901 г. в Лондоне граф Хаяси Тадасу получил предложение начать переговоры о союзе, прямо связывая их с позицией России в Маньчжурии.

19 июля (1 августа) в Петербурге В.Н. Ламсдорф в результате мартовского угрожающего демарша Японии, сообщил своим коллегам о принятом царем решении приступить к эвакуации Маньчжурии по собственному почину русской стороны.

20 июля (2 августа) в Пекине Ли Хун-чжан заявил одному из агентов С.Ю. Витте, что он желал бы возможно скорейшего очищения Маньчжурии от русских войск и потому желал бы возбудить вопрос о пересмотре соглашения о Маньчжурии, и просил запросить мнение С.Ю. Витте¹⁴². Однако ответ С.Ю. Витте как простое сообщение в Пекин о состоявшемся накануне в Петербурге решении при сопоставлении дат потеряло бы всякую цену. Поэтому на деле вышло так, что на вызов Пекина тотчас поддался Петербург к великому торжеству, разумеется, Лондона. Во всяком случае, ход Пекина в отношении Петербурга повернул дело целиком в пользу англо-японских переговоров. В Петербурге теперь заторопились вновь договориться с Пекином, не форсируя предпринятых неофициальных шагов в сторону Японии, и, как страус, заложив голову под крыло, повели переговоры в Пекине так истово, что очнулись только тогда, когда В.Н. Ламсдорфу был официально предъявлен 30 января (12 февраля) готовый текст англо-японского союзного договора¹⁴³.

¹⁴² См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 315, 317.

¹⁴³ См.: Романов Б.А. – Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С. 151.

Провал царской дипломатии здесь заключался не только в том, что она не сумела или не смогла предотвратить эту опасную для России комбинацию. Главное состояло в том, что Россия была застигнута этой комбинацией совершенно врасплох. Для объяснения сложившейся ситуации С.Ю. Витте пустил в ход легенду, что де приехал в Петербург русофильский экс-министр Ито договориться о союзе с Россией, да только вот царь под влиянием «безобразовской шайки» помешал своим министрам: будто Ито был встречен «холодно», не нашел «сочувствия наверху», не получил определенного ответа и уехал в Англию, где немедленно вслед затем и был заключен англо-японский союзный договор¹⁴⁴.

В действительности, как легко установить по документам, события рисуются в следующем виде. На предложение Ли Хун-чжана возобновить переговоры об эвакуации Маньчжурии С.Ю. Витте лично ответил 27 июля (9 августа) согласием вывести войска, если Китай даст Русско-Китайскому банку обязательство не давать никому в Маньчжурии никаких железнодорожных и промышленных концессий, ранее не предложив их банку. Получив в свою очередь удовлетворительный ответ Ли Хун-чжана и обещание полной тайны, в Петербурге изготовили проект политического договора о выводе войск в три срока к лету 1903 г., с условием что, банковское соглашение о монополии на концессии будет составлено в Пекине и подписано раньше, чем правительственный договор о выводе войск. Последний был отредактирован так, что в него не попали ни требование о пекинской линии КВЖД, ни тем более — идея, которую пытался протащить А.Н. Куропаткин, — умолчать об эвакуации Северной Маньчжурии на случай ее присоединения¹⁴⁵.

Однако прошел целый месяц, пока 23 сентября (6 октября) в Пекине изучили и одобрили договор о выводе войск. Только после этого Ли Хун-

¹⁴⁴ *Витте С.Ю.* Воспоминания. — Т.1. — С. 183.

¹⁴⁵ См.: *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. — С. 320–321.

чжан и попросил у представителя Русско-Китайского банка представить ему проект банковского соглашения 24 сентября (7 октября). Сопоставляя даты этого хода Ли Хун-чжана, следует отметить, что на этот раз он был сделан почти день в день (будто только его и ждали) с данным из Токио 25 сентября (8 октября) телеграфным предписанием японскому послу в Лондоне приступить к формальным переговорам об англо-японском союзе.

Далее 27 сентября (10 октября) Ли Хун-чжан, получив проект банковского соглашения, устроил русскому представителю банка бурную сцену и категорически отказался отдать в руки банка всю Маньчжурию.

30 сентября (3 октября) в Петербурге было получено телеграфное сообщение из Токио, что японский министр иностранных дел барон Д. Комура весьма озабочен полученными из Пекина известиями о возобновлении переговоров о Маньчжурии.

Наконец, 2 (15) октября Ли Хун-чжан в Пекине заявил одновременно русскому послу о желании подписать договор о выводе войск, а банковскому представителю – о неизбежности протестов держав по поводу концессионных монополий, внушив своими упорными ссылками на это препятствие подозрение о том, что «не связан ли уже Китай в этом вопросе секретным обязательством с иностранными державами»¹⁴⁶.

Таким образом, дипломатический договор зацепился за банковский, и дело с этими договорами зашло в тупик.

Определилась позиция Англии: с самого начала ведя двусмысленную игру закулисного подстрекательства то одной, то другой стороны, английская буржуазия теперь открыто в своей прессе приветствовала возможность противопоставить России сильную Японию¹⁴⁷.

25 марта (17 апреля) В.Н. Ламздорф поставил вопрос перед Николаем II: надо выбирать между Китаем и Японией как возможными союзниками

¹⁴⁶ *Попов А.Л.* Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке // Красный Архив. – 1932. – № 3 (52). – С. 62—83.

¹⁴⁷ См.: *Попов А.Л.* Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке // Красный Архив. – 1932. – № 3 (52). – С. 62—83.

России в будущем, и если настоящее русское положение на Дальнем Востоке Россию удовлетворяет, и если Россия там не будет вести активной политики, то слабость Китая будет лучшим ее союзником¹⁴⁸.

После смерти Ли Хун-чжана некоторое время было неясно, с кем говорить русским представителям в Пекине и кого привлекать ассигнованными на это дело 300 тыс. руб., которые были обещаны на сей раз престарелому взяточнику.

Пекинские переговоры сами собою оборвались¹⁴⁹. До начала февраля 1902 г. (переговоры возобновились в декабре 1901 г.) петербургские оптимисты прилагали усилия договориться с Пекином, – стоя на старых позициях и торгуясь за каждое слово в банковском соглашении, лишь бы отстоять Маньчжурию от «наводнения иностранцев»¹⁵⁰.

Договор 26 марта (8 апреля) 1902 г., по которому Россия обязалась вывести свои войска из Маньчжурии к 26 сентября (9 октября) 1903 г., был плодом очевидного для всех ее дипломатического поражения на пути к укреплению «полного влияния» в Маньчжурии¹⁵¹.

Царская дипломатия, особой оговоркой в договоре 26 марта поставившая эвакуацию Маньчжурии в зависимость от образа действий других держав, попадала теперь в сложную для себя обстановку. Теперь действия России на Дальнем Востоке еще больше осложнялись противодействием европейских держав и Японии. Англо-японский военно-политический союз 1902 г. был направлен против России и являлся грозным предвестником будущей русско-японской войны.

§ 3. Политическое и экономическое положение Великобритании на Дальнем Востоке в начале XX в.

¹⁴⁸ См.: там же. – С. 76—77.

¹⁴⁹ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 325—329.

¹⁵⁰ Там же. С. 339—344.

¹⁵¹ См.: Сборник договоров России с другими государствами. – С. 324 – 327.

Внешнеполитическое положение Англии в рассматриваемый период было сложным из-за англо-русских и англо-французских противоречий по различным проблемам во многих частях Земного шара.

Наиболее острыми были отношения между Англией и Россией, их интересы сталкивались по всей российской азиатской границе. Английские политические круги считали российскую политику «разбойничьей», так как она грозила подорвать господство Англии над чужими народами.

Что касается Дальнего Востока, особое беспокойство британского кабинета вызывала политика России в Маньчжурии.

Узнав о начавшихся 7 февраля 1901 г. сепаратных русско-китайских переговорах, лорд Г. Лансдаун* заявил китайскому посланнику в Лондоне: «любое соглашение, заключенное относительно Маньчжурии, может стать источником опасности для китайского правительства. Ни одно соглашение, затрагивающее территориальные права Китая, не должно быть подписано его правительством с какой-либо державой»¹⁵².

Англия пыталась найти союзников и в Вашингтоне, и в Берлине, и в Токио. Оно также предпринимало попытки переговоров с Россией. В результате этих переговоров в апреле 1899 г. было подписано русско-английское соглашение о сферах железнодорожного строительства. Оно явилось одним из первых актов раздела Китая на зоны влияния между Россией и Великобританией.

Бассейн Янцзы был признан английской сферой, область к северу от Великой стены – русской сферой.

* Сэр Генри Чарлз Кит Петти-Фицморис и лорд Лансдаун — британский государственный деятель. На протяжении политической карьеры занимал посты генерал-губернатора Канады (1883—1888), вице-короля Индии (1888—1894), военного министра (1895—1900) и министра иностранных дел Великобритании (1900—1905), а также возглавлял фракцию Либеральной юнионистской партии в Палате лордов.

¹⁵² *Остриков П.И.* Империалистическая донесений год в Китае в 1900—1914 гг. — С.33.

Убедившись, что нельзя достичь полной договоренности с Россией на почве раздела Китая и что Германия не хочет связывать свою политику союзными обязательствами с Англией, британская дипломатия обратилась к Соединенным Штатам. Осенью 1898 г. английская печать открыто стала пропагандировать политику равных возможностей и «открытых дверей», а в январе 1899 г. лондонские дипломаты вновь обратились с соответствующим предложением к США, но результат был прежний¹⁵³. Однако Лондон не был обескуражен первыми неудачами.

Подобные выступления парламентариев и прессы отчетливо отражали сложность международного положения Англии в начале XX в., необходимость для нее поиска союзников. Подобно Р. Солсбери, министру иностранных дел Великобритании, лорд Г. Лансдаун вновь пытался в январе 1901 г. и октябре 1902 г. прийти к соглашению с Россией. Он опасался ее продвижения в Центральную Азию и закрепления на Дальнем Востоке. Однако предложение о союзе с Англией в России было принято холодно¹⁵⁴.

Уже 9 (22) марта 1901 г. английскому послу в Токио было заявлено; что у японского правительства нет надежды на то, что из страха перед Россией Китай внял японским советам не подписывать с русскими соглашения, что оно не доверяет Германии, которой просто хочется вовлечь Японию в войну с Россией и что без помощи Япония не имеет намерения идти на войну из-за маньчжурского вопроса. Английская же поддержка свелась к давлению на Пекин, который, по совету лорда Г. Лансдауна, 11 (24) марта отказался подписать маньчжурское соглашение¹⁵⁵.

¹⁵³ *Griswold*. The Far Eastern Policy of the United States. – N.-Y., 1938. – Ch. 11.

¹⁵⁴ *Steiner Z.S.* The Foreign Office and Foreign Policy, 1898–1914. – Cambridge. – 1969. – P. 47.

¹⁵⁵ Переписка министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа с другими членами царского правительства и российскими представителями в Японии

Тем временем в Токио были приняты все меры, чтобы у российского посла А.П. Извольского не было никакой информации о планах японского правительства. В частности, Като, министр иностранных дел, до 12 (25) марта 1901 г. систематически уклонялся от всякого обсуждения с А.П. Извольским текущих событий, держа, таким образом, МИД России в уверенности, что от Японии можно ждать «открытия военных действий»¹⁵⁶.

Итак, пока Англии не удалось по-настоящему «поддержать» Японию в ее агрессивной политике, но план будущей русско-японской войны из-за Маньчжурии в Лондоне был сформулирован точно.

Осмотревшись и вникнув во все полученные донесения, Лондон пришел к выводу, что при оценке предстоящих мероприятий в Маньчжурии необходимо принять в расчет, явную опасность вооруженного столкновения с Японией. В то же время Англия сознавала, что «всякие дипломатические переговоры с ней малонадежны для предотвращения вероятных осложнений, коль скоро в глазах японского правительства разрыв с Россией является не средством, а скорее прямо намеченной целью»¹⁵⁷.

В Лондоне был выбран и момент для возобновления переговоров, имевших место в первой половине 1901 г. и тогда кончившихся ничем. А выбрав момент, в Лондоне не должны были упустить ничего, что могло бы подогреть волю японского контрагента к предложенной Англией политической сделке. Вот почему, возвращаясь к параллельной англо-японским переговорам работе царской дипломатии, нельзя пройти мимо

и других странах относительно политики царского правительства на Дальнем Востоке. //Красный Архив. – 1934. – № 2 (63). – С. 20.

¹⁵⁶ Переписка министра ин. дел В.Н. Ламздорфа с другими членами царского правительства и российскими представителями в Японии и других странах относительно политики царского правительства на Дальнем Востоке. //Красный Архив. – 1934. – № 2 (63). – С. 22–23.

¹⁵⁷ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). – С. 146.

одного хронологического сопоставления, имеющего отношение к начальному моменту изложенных переговоров¹⁵⁸.

В январе 1901 г. Лондон провел серию зондирований в европейских столицах, выясняя отношение держав к возможному заключению англо-японского союза, направленного против присутствия России в Маньчжурии.

Германия готова была обещать строгий нейтралитет, в обмен на помощь Англии военно-морским флотом в случае вооруженного конфликта на Дальнем Востоке.

Япония решительно заявляла, что не остановится перед войной из-за Кореи и без посторонней помощи, но в случае войны из-за Маньчжурии ее тревожил вопрос о позиции, какую займет Франция как союзница России¹⁵⁹.

Однако в России в ноябре 1901 г., по мнению С.Ю. Витте, Ито был встречен «холодно», не нашел «сочувствия наверху», «не получил определенного ответа» и уехал в Англию, где «немедленно вслед затем» и был заключен англо-японский союзный договор¹⁶⁰.

Тем временем день подписания русско-китайского сепаратного соглашения приближался, и перед Лондоном вопрос становился совсем на практическую почву.

Дипломаты и политики в Лондоне отмечали, что если Япония победит Россию, это будет серьезной опасностью для европейских интересов на Дальнем Востоке. Невероятно, чтобы такая великая военная и морская держава с безграничными естественными ресурсами и бесчисленным населением, как Россия, была побеждена навсегда. Она реорганизуется для дальнейшей пробы сил, но эта проба сил может быть надолго отсрочена, если разрешить Японии взять Ляодунский полуостров

¹⁵⁸ *Grosse Politic der Europaischen kabinette.* – Bd. 17. – № 5040.

¹⁵⁹ *Gelber L.M.* The rise of Anglo-American friendship. – Oxford, 1938. – P. 84.

¹⁶⁰ *Bumme C.Ю.* Воспоминания. – С. 183.

как приз войны. В руках Японии он будет гарантией того, что между Россией и Японией не возникнет соглашения об открытии войны против Китая якобы в защиту независимости Кореи¹⁶¹.

Подобная комбинация означала, что «желтая» опасность сдерживалась бы Россией, а русская – Японией. Отсюда в Лондоне сделан был вывод, что если мы ничем не поощрим Японию рассматривать нас как друга и возможного союзника против России и Франции, мы можем толкнуть ее на политику отчаяния, которая приведет ее к известного рода соглашению с Россией, а «наши интересы очень пострадают, если она пойдет на это»¹⁶².

После различного рода многочисленных консультаций и переговоров английского правительства с Германией, Францией и Японией о ситуации в Китае Великобритания начала склоняться к необходимости сближения именно с Японией.

К союзному договору Англия и Япония шли долго и трудно. В каждой из стран были свои сторонники подобного соглашения.

В Японии, по мере увеличения и перевооружения военных сил, росло число государственных деятелей, поддерживавших идею союза. 16 апреля 1901 г. японский посланник в Англии виконт Т. Хаяши получил инструкцию об открытии переговоров о союзе. В Лондоне были весьма заинтересованы в обретении регионального союзника. В результате консультаций уже 15 июня 1901 г. Т. Хаяши информировал Токио о готовности со стороны Англии заключить союз¹⁶³.

В Великобритании, как уже отмечалось, пресса, раздраженная возрастающей экспансией России на Дальнем Востоке, склоняла общественное мнение к союзу с Японией. В Форин офис уже весной 1901 г. был подготовлен документ (меморандум Ф. Берти), в котором

¹⁶¹ См.: Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг. //Красный Архив. – 1932. – № 1-2 (50—51). – С.8-15.

¹⁶² British documents on the origin of the War. – Vol. II. – № 54.

¹⁶³ British Documents... – Vol. II – P. 32–33, 52.

высказывалась мысль о необходимости поддержки Японии и сближения с ней. Эта идея основывалась на идее сдерживания России на Дальнем Востоке¹⁶⁴.

В конце января 1902 г. был подписан союзный англо-японский договор¹⁶⁵. Он вносил серьезные изменения в международную обстановку того времени и означал выход Англии из «блестящей изоляции».

По оценке историков, договор имел антироссийский характер, так как был направлен на противодействие России в Маньчжурии, на Ляодунском полуострове и в Корее.

Договор являлся также важной вехой на пути подготовки прямой агрессии Японии против России и отвечал интересам наиболее милитаристски настроенной японской политической верхушки.

Для Англии союз с Японией означал не только политический успех, но и поддержку ее экономических интересов на Дальнем Востоке, в первую очередь, в Китае.

В начале XX в. Англия по темпам роста промышленного производства значительно отставала от других западных стран. Среднегодовой прирост промышленной продукции в 1901–1913 гг. составил в Англии 2,1%, тогда как на мировом рынке разгорелось острое экономическое соперничество между быстро развивавшимися европейскими странами. Тенденция развития этого соперничества была неблагоприятна для Великобритании, так как темпы роста вывоза товаров из Англии отставали от темпов экспорта товаров из западных стран¹⁶⁶.

Тем не менее, к началу XX в. английский капитал захватил в Китае ключевые позиции. Английские капиталы в Китае были вложены главным образом в торговлю, судоходство, судостроение, горнорудную, текстильную и пищевую промышленность, в железнодорожное

¹⁶⁴ См.: Гальперин А. Англо-японский союз. – С. 98, 110 – 111.

¹⁶⁵ См.: там же: полный текст договора 1902 г. – С. 420 – 423.

¹⁶⁶ См.: Остриков П.И. – С. 32.

строительство, финансы и предприятия коммунального хозяйства. В 1900 г. английские капиталисты имели в Китае 17 прядильных фабрик с 566 тыс. веретен. Англо-американская совместная политика, направленная против Китая, приняла своеобразную форму в связи с выдвижением доктрины «открытых дверей»¹⁶⁷. Кроме того, был создан ряд миссионерских, медицинских и других учреждений¹⁶⁸.

К 1901 г. в Китае уже существовало 19 иностранных пароходных компаний, из которых 10 были английскими. От 80 до 85 английских кораблей постоянно находилось в китайских водах. Более половины всех каботажных перевозок в Китае осуществлялось британскими судами. На их долю приходилось 60% стоимости каботажной торговли, на китайские компании – всего 13%. В судоходстве по внутренним водным путям англичане также занимали первое место: они осуществляли около 25% всех перевозок. Надо заметить, что в последние годы XIX в., и особенно, в начале XX в., английские судоходные компании, связанные с Китаем, начали все сильнее ощущать на мировых линиях конкуренцию. Английский капитал в горнорудной промышленности представляли, в первую очередь, две крупные фирмы – «Чайниз инджиниринг энд майнинг компании» и «Пекинский синдикат», а также ряд мелких фирм. «Чайниз инджиниринг энд майнинг компании» принадлежали угольные рудники, пароходы, пристани, каналы, железная дорога и земельные участки в различных районах провинции Чжили. До 1900 г. компания действовала успешно. На шахтах в 1900 г. было занято свыше 9 тыс. рабочих. К 1900 г. ее капитал составлял 4190 тыс. лян, из них 1850 тыс. (44 %) принадлежало иностранцам. Инженерные должности были заняты иностранцами, в основном, англичанами. Таким образом, «Чайниз инджиниринг энд майнинг компании» с 1901 по 1912 г. полностью контролировалась англичанами¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Treaties, Conventions.... – P. 740.

¹⁶⁸ См.: *Остриков П.И.* – С. 53.

¹⁶⁹ См.: *Остриков П.И.* – С. 57–60.

Британская компания «Истен иктеншн, остралазия энд Чайна телеграф К^о» проложила кабель от Лондона через Сингапур к Гонконгу, а затем к Фучжоу и Шанхаю. Англия использовала восстание ихэтуаней для прокладки своей кабельной линии дальше на север. В 1901 г. британское правительство подписало контракт с компанией о сооружении кабеля между Чжифу и Вэйхавэем. Эта фирма имела кабель, связывающий Европу с Шанхаем, Гонконгом, Владивостоком и Нагасаки. Компания пользовалась покровительством царской России, однако значительная часть ее капитала принадлежала британским акционерам¹⁷⁰.

В конце 1900 г. британская и датская компании объединились в общество, в котором английские акционеры получили преобладающее влияние. Эти две компании имели монопольное право на прокладку и эксплуатацию кабелей, соединяющих Европу со странами Дальнего Востока. В 1902 г. срок на это право истекал. Общество поставило перед китайским правительством вопрос о сохранении в силе всех соглашений между Китайской телеграфной администрацией и компаниями: до 31 мая 1903 г. соглашения были подписаны. В 1902 г. царское правительство решило выкупить телеграфные линии из частных рук. Британскому поверенному в Китае немедленно было указано из Лондона войти в контакт с русским представителем и добиться, чтобы прежние соглашения с иностранными телеграфными компаниями остались в силе.

Таким образом, телеграфное сообщение Китая с внешним миром целиком находилось в руках иностранных компаний, в которых преобладал английский капитал. Только в Шанхае господствовала британская корпорация «Шанхай мютюэл телефон компании»¹⁷¹.

Неудачная попытка Англии создать общеевропейскую комиссию для решения торговых и тарифных вопросов заставили британское

¹⁷⁰ См.: там же. – С. 70.

¹⁷¹ См.: *Остриков П.И.* – С. 71.

правительство поставить задачу заключения с Китаем сепаратного торгового договора.

Китайское правительство со своей стороны поручило Шэн Сюань-хуаю (он был сторонником политики самоусиления Китая путем развития казенного предпринимательства, выступал за широкое привлечение в Китай иностранных капиталов) начать переговоры с Англией. 5 сентября 1902 г. Шэн Сюань-хуай и английский представитель Л. Маккей подписали англо-китайский торговый договор¹⁷².

Договор затронул всю совокупность внутренней жизни Китая. Он расширял власть и компетенцию Управления морских таможен, возглавляемого английским чиновником; предусматривал назначение его агентов в каждую китайскую провинцию для наблюдения за сбором пошлин с соли и опиума, причем Китай обязывался отменить пограничные сборы.

Российский посланник в Пекине П.М. Лессар отмечал, что новый торговый договор Англии с Китаем дает ей такие преимущества, которые нарушают существовавшее до этого положение и ведут к финансовому разорению Китая¹⁷³.

Торговля Англии с Китаем в начале XX в. имела типично колониальный характер: ввоз в страну намного превышал вывоз. Вывозилось, в основном, сырье и полуфабрикаты, а ввозились товары промышленного производства (в том числе, чугун, сталь, различные машины).

Несмотря на острую конкуренцию, английской буржуазии удалось сохранить в Китае доминирующие позиции. С 1900 по 1906 г. на Британскую империю, в целом, приходилось 60,8 % внешней торговли

¹⁷² См.: там же. – С. 97.

¹⁷³ АВПР. Ф. «Китайский стол». 1903. Д. 38. Л.18–19.

Китая¹⁷⁴. В 1900 г. объем английской торговли с Китаем оценивался в 11,7 млн. ф. ст., а в 1906 г. – 15,2 млн. ф. ст.

Таким образом, для Великобритании китайский рынок для экспорта и импорта товаров представлял большую ценность. Британская буржуазия в начале XX в. пыталась закабалить Китай в экономическом отношении, боролась против возраставшей экспансии других западноевропейских держав на Дальнем Востоке. Это побуждало английское правительство к более активным политическим и дипломатическим методам давления на Китай и защиту собственных интересов в дальневосточном регионе.

* * *

С конца XIX – начала XX в. великие державы начали усиленную борьбу за господство на Тихом океане, за раздел Китая. Именно взаимная грызня и столкновение противоположных интересов создали такое положение, при котором оказалось невозможным достичь согласованного решения о разделе страны.

Политика иностранных государств в Китае вызвала в нем широкое народное восстание, направленное против иностранцев. В 1900 г. Великобритания, Франция, Германия и Россия ввели свои войска на территорию Китая и жестоко подавили восстание.

В дальнейшем они коллективно заставили китайское правительство подписать соглашение о компенсации за ущерб, нанесенный иностранной собственности (450 млн. лян серебра). Это еще в большей степени привело к финансовому закабалению Поднебесной.

В целях выплаты контрибуции китайское правительство было вынуждено прибегнуть к иностранным займам, гарантом выплаты которых должны были стать китайские морские таможни. Наибольшие

¹⁷⁴ *Остриков П.И.* – С. 103.

преференции от этих выплат получила Великобритания, так как таможи находились под ее контролем.

Как видно из представленного в главе материала, российское финансовое проникновение в Китай, и в первую очередь, в Маньчжурию, основывалось на государственном вмешательстве. В начале XX в. С.Ю. Витте неохотно поддерживал частные финансово-экономические инициативы и стремился к государственному регулированию этих процессов.

Несмотря на это, экономическое закабаление Китая Россией в значительной степени отставало от английского. Великобритания преобладала на территории Китая и в области торговли, и в создании там промышленных предприятий под своим контролем. Британская буржуазия активно поддерживалась политическими кругами и правительством.

Рассмотрев внешнеполитический курс России на Дальнем Востоке, следует отметить, что уже в начале XX в. осуществлялось серьезное противодействие мирным методам С.Ю. Витте со стороны наиболее экспансионистских кругов. Это привело к захвату Россией Порт-Артура и оккупации Маньчжурии в ходе подавления восстания Ихэтуань. В дальнейшем агрессивная настроенная часть российской политической элиты боролась за пролонгацию присутствия русских войск на территории Маньчжурии.

Политика России вызвала резкое противодействие со стороны западноевропейских держав и Японии.

С политической точки зрения, главным противником России на Дальнем Востоке была Великобритания. Между этими государствами существовали глубокие экономические и геополитические противоречия. Несмотря на экономическую и военно-морскую мощь Великобритании, ее позиции в Китае в начале XX в. не были достаточно прочными из-за ее изоляции на международной арене и удаленности дальневосточного региона от метрополии.

Поиски союзников на Дальнем Востоке показали британскому правительству необходимость переориентации на Японию, политическое значение и военная мощь которой в начале XX в. постепенно увеличивались. Это было обусловлено ускоренным экономическим развитием Японии, на основе которого завершалось перевооружение армии и военно-морского флота.

Стремление Великобритании и Японии противодействовать политике России на Дальнем Востоке содействовало их постепенному сближению, завершившемуся подписанием англо-японского военно-политического союза в 1902 г.

Глава III

Русско-английские политические и экономические противоречия в Китае накануне русско-японской войны

Основная *цель* главы – раскрыть отношения России и Англии на Дальнем Востоке (в первую очередь, в Китае) накануне русско-японской войны; рассмотреть их многоаспектные противоречия в данном регионе; показать значение Японии в развитии русско-английских отношений, учитывая ее возросшую военно-политическую мощь.

Задачи главы:

- 1) определить политический курс России на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны;
- 2) раскрыть политику Англии в данном регионе накануне войны; выявить степень ее участия в дипломатической подготовке конфликта Японии, проанализировать роль англо-японского союза в международных отношениях на Дальнем Востоке;
- 3) связать экономические, торговые и финансовые интересы России и Англии в Китае с их политической борьбой и дипломатическими действиями в указанном регионе.

Дальневосточная политика России в начале XX в. особенно выявила политические и экономические противоречия между Россией и Англией накануне русско-японской войны 1904 – 1905 гг., показала, что

экономические проблемы, накопившиеся в начале XX в., оказывали серьезное воздействие на решение общеполитических вопросов.

На первый план выдвинулись русско-японские противоречия. Столкновение интересов Японии и России на Дальнем Востоке стремились использовать в своих целях и западноевропейские государства, особенно Англия. Она надеюсь вызвать вооруженный конфликт между Россией и Японией. Война, по ее расчету, должна была ослабить Россию, в которой Англия видела основного соперника в борьбе за господство на Дальнем Востоке.

§ 1. Программа царского правительства на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны

Как уже отмечалось выше, в 1901 г. между Россией и Китаем шли активные переговоры о заключении политического и финансового соглашений. Против русско-китайских сепаратных переговоров выступили Англия, США, Германия, Италия и Австро-Венгрия. Только Франция, связанная с Россией военным союзом, заняла в этом вопросе благожелательную для русских позицию.

Переговоры начались в марте 1901 г. и возобновились в декабре. В их ходе представители С.Ю. Витте торговались за каждое слово в банковском соглашении, лишь бы отстоять Маньчжурию от «наводнения иностранцев»¹⁷⁵.

На предложение Ли Хунчжана решить вопрос об эвакуации войск из Маньчжурии С.Ю. Витте ответил согласием вывести войска, если Китай даст Русско-Китайскому банку обязательство не давать никому в Маньчжурии железнодорожных и промышленных концессий, ранее не предложив их банку. Получив удовлетворительный ответ, царское

¹⁷⁵ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892 – 1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – С. 339—344.

правительство подготовило новый проект. Было решено, что с Китаем будет заключено два соглашения: одно представителями министерства иностранных дел, другое – представителями министерства финансов и Русско-Китайского банка¹⁷⁶.

Политическое соглашение предусматривало поэтапную эвакуацию из Маньчжурии русских войск.

Большинство в царском правительстве было несогласно с программой С.Ю. Витте. Только в одном пункте министру финансов С.Ю. Витте и министру иностранных дел В.Н. Ламсдорфу удалось настоять на своём, и за 40 тыс. руб. пекинские дипломаты согласились сохранить в договоре пресловутую оговорку, ставившую эвакуацию Маньчжурии в зависимость от общего спокойствия и образа действий других держав. Срок же окончательной эвакуации назначен был на 26 сентября (9 октября) 1903 г.¹⁷⁷.

Договор 26 марта (8 апреля) 1902 г., по которому Россия подтвердила обязательство вывести свои войска из Маньчжурии к 26 сентября (9 октября) 1903 г., был выражением очевидного для всех дипломатического поражения, постигшего Россию на пути к укреплению своего полного влияния в Маньчжурии. Царская дипломатия, особой оговоркой в договоре 26 марта, поставившая эвакуацию Маньчжурии в зависимость от образа действий других держав, попадала теперь в дальневосточных делах в зависимость от европейской конъюнктуры¹⁷⁸.

Протекшие годы (от подписания этого договора до разбойничьего нападения японской эскадры на русский флот в Порт-Артуре) были временем капитальной перестройки в европейских международных отношениях. Выходило так, что договор 26 марта 1902 г. и был тем, к чему

¹⁷⁶ См.: Красный Архив. – 1926. – № 4 (17). – С. 121.

¹⁷⁷ См.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). – С. 158.

¹⁷⁸ См.: Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока, 1895 – 1905 гг. – С. 535 – 545.

все время стремилась русская дипломатия и чего, в сущности, все время якобы хотел и Китай, но чему мешали другие державы.

По мнению С.Ю. Витте, Россия не «проигрывала» своего «дела» в Маньчжурии. Пока у России существовал союзный договор с Пекином и между ними велись переговоры о расширении дальнейшего сотрудничества, Россия сохраняла свои позиции в Маньчжурии.

Осенью 1902 г. С.Ю. Витте поднял вопрос о необходимости новой железнодорожной концессии на линию от ст. Куанченцзы к Гириню, потому, что считал необходимым ранее вывода наших полевых войск, заменить их увеличенными по численности войсками пограничной стражи. Эти установки группа его сторонников выдерживала и во всех своих официальных выступлениях на дипломатической почве.

В ответ на заключение русско-китайского договора 26 марта 1902 г. Англия подписала 23 августа (5 сентября) 1902 г. торговое соглашение с Китаем, по которому в ближайшем будущем на Маньчжурию должна была распространиться компетенция ведомства китайских морских таможен, находившегося в руках англичан. Это означало возможность появления в Маньчжурии английских чиновников для службы в связи с делами «туземных таможен»¹⁷⁹.

Япония же не обнаруживала готовности разменяться с Россией ролями в Маньчжурии и в Корее. Она предложила в июле 1902 г. признать за Россией только железнодорожные интересы в Маньчжурии, а себе за это требовала полной свободы действий в Корее и отказа России от какого бы то ни было вмешательства в корейские дела без аналогичного отказа Японии относительно Маньчжурии¹⁸⁰.

Для сохранения независимости своих позиций России требовалось неимоверное напряжение, как во внешней политике, так и в ведении своих

¹⁷⁹ Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока, 1895 – 1905 гг. – С. 609.

¹⁸⁰ См.: Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. – СПб.: Изд. МИД, 1906. – С. 87.

финансов; но в том-то и дело, что самодержавие уже было неспособно освободиться от зависимости от европейских финансовых рынков, попадало во все большую зависимость от иностранных кредитов и займов. Таким образом, экономическая отсталость России лишала ее возможности проводить вполне независимую внешнюю политику¹⁸¹.

Что касается готовности достраивающейся железной дороги в Маньчжурии, то сама «мирная» дипломатия С.Ю. Витте вступила на «путь промедлений, остающихся по большей части необъяснимыми»¹⁸². На этом играла потом японская дипломатия в своей последней ноте 23 января (5 февраля) 1904 г.¹⁸³

Затягивание вывода русских войск из Маньчжурии подтверждается тем, что Россия в переговорах с Китаем умалчивала о возможности вывода войск второй очереди в договорный срок — 26 марта (8 апреля) 1903 г.

Затягивание вывода русских войск из Маньчжурии страшно раздражало Великобританию. Это было вызвано не только политическими соображениями, но и имело экономическую подоплеку. Именно через открытые порты в Южной Маньчжурии, в зоне совместной англо-китайской железной дороги, шла значительная часть торговых английских операций, а также США.

Ясно, что «если когда-либо был благоприятный момент для Японии добиться удаления России из Маньчжурии, то он представился именно теперь, когда Россия намеревалась идти против торговых и иных интересов всех заинтересованных держав»¹⁸⁴.

Особое раздражение Запада вызвала российская нота Китаю от 23 января (5 февраля) 1903 г. Пункт 1 ноты имел целью просто метлой

¹⁸¹ См.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С. 159.

¹⁸² Глинский Б.Б. Пролог русско-японской войны: Материалы из архива графа С.Ю. Витте. – С. 274.

¹⁸³ См.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. – М., 1997. – С. 159 – 160.

¹⁸⁴ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С.420.

выместить из Маньчжурии всех иностранных концессионеров всех мастей и калибров. Пункт 2 означал вторжение русской дипломатии в начатые Америкой с Китаем переговоры о торговом договоре, по которому «открывались» для иностранной торговли Мукден и Дагушань и проект которого США заранее «дружески» сообщили Петербургу. Пункт 3 был направлен против англичан, сводя на нет упомянутый выше англо-китайский договор 1902 г. в части его, касавшейся объединения маньчжурских таможен с обще китайским ведомством морских таможен и командирования в Маньчжурию агентов этого фактически английского учреждения¹⁸⁵.

Когда англичане в Пекине получили сведения о содержании ноты, пункты ее были признаны в Лондоне совершенно неприемлемыми. Английскому представителю в Пекине было давно указание действовать совместно с его японским коллегой, и оба они тотчас же предложили пекинскому правительству «в сопротивлении русским требованиям поддержку, подобную той, которая была оказана во время переговоров о Маньчжурской конвенции» (1902 г)¹⁸⁶.

26 апреля английский посол в Вашингтоне Герберт мог сообщить графу Г. Лансдоуну не только о том, что госсекретарь США Джон Мильтон Хэй поручил американскому посланнику в Пекине настоять перед китайским правительством на желательности его отказа принять предъявленные ему требования. Американскому послу в Петербурге было поручено попросить объяснений русского правительства и представить последнему, что предъявленные им условия не соответствуют предположенным постановлениям в том проекте договора между США и Китаем, копия с которого была ему сообщена, но и о том, что эти условия «вызвали общее негодование в американской печати»¹⁸⁷.

¹⁸⁵ См.: Английская Синяя книга. – № 2. – С. 74.

¹⁸⁶ British Documents on the Origin of the War. – Vol. II. – P. 200.

¹⁸⁷ Глинский Б.Б. Пролог русско-японской войны. – С. 267.

Тем временем пекинское правительство заверило англичан, что оно уже отказалось обсуждать эти условия, а японское правительство заверило Лондон, что «не предпримет ... никаких шагов, не уведомив предварительно великобританское правительство»¹⁸⁸.

Последнее предложение имело целью скрепить англо-американо-японский треугольник обязательством принимать согласованные действия в отношении России на Дальнем Востоке. Оно увенчалось полным успехом¹⁸⁹.

29 апреля в Лондоне граф Г. Лансдоун имел довольно продолжительную беседу с послом России П.К. Бенкендорфом, в которой мог уже сослаться на то, что и другие державы принимают живой интерес в этом вопросе. П.К. Бенкендорф волен был выражать в ответ на эту угрозу надежду, что граф Г. Лансдоун будет все же рассматривать с ним этот вопрос, как касающийся только наших двух стран. Однако результат описанной лихорадочной переписки между Лондоном, Вашингтоном и Токио был уже налицо. 30 апреля князь Цин сообщил английскому представителю в Пекине Тоунли, что «китайское правительство в официальной ноте отвернуло русские условия»¹⁹⁰.

С.Ю. Витте полагал, что Россия рано или поздно неизбежно придет в столкновение с японцами и предъявит Японии ультиматум об очищении Южной Маньчжурии, так как «нам выгоднее решиться на войну теперь, ибо иначе России придется в будущем нести гораздо большие жертвы»¹⁹¹.

Понятно, что такое убеждение в неизбежности в будущем столкновения с Японией делало для С.Ю. Витте неубедительным

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ См.: *British Documents on the Origin of the War.* – Vol. II. – P. 200.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. – Т. I. – С. 193.

возражение, что на этом пути Россия наживет себе «вечного врага» и заставит японцев «силою обстоятельств быть заодно с англичанами»¹⁹².

На совещании министров С.Ю. Витте настоял на своем, пригрозив, что, в случае неудачного решения этого вопроса, Россия рискует потерять все, что с таким трудом было сделано для упорядочения русских финансов. Русский экспорт в Китай от 1902 г. к 1903-му, когда открыто было постоянное движение по КВЖД, сразу же скакнул с 9 млн. руб. на 22 млн.¹⁹³.

В начале 1903 г. А.М. Безобразов, действительный статский советник, получив особые полномочия от Николая II, в мыслях уже покончившего с С.Ю. Витте, в специальном поезде отправился на Дальний Восток. Он имел в полном своем распоряжении 2 млн. руб. казенных денег, переведенных на его имя министром финансов из 10-миллионного фонда по письменному приказанию царя. Они были без остатка и без малейших признаков прибыли истрачены к ноябрю 1903 г., главным образом на совершенно безалаберную заготовку леса по обоим берегам р. Ялу. Фиктивное же Русское лесопромышленное производство на Дальнем Востоке, членами которого в мае 1903 г. была записана вся «безобразовская шайка», числило на себе, уже после окончания войны, несколько тысяч неликвидированных долгов. Частный же капитал на деле тоже там, по-видимому, и близко не лежал никогда¹⁹⁴. Единственно, где успели встретиться эти два «склада концессий», — это на богатейших залежах угля в Фушуне близ Мукдена. Но обе половины Фушуна как следует заработали только уже во время войны, взятые в эксплуатацию Обществом КВЖД, а после войны безвозвратно ушли, разумеется, в японские руки¹⁹⁵.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ См.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. — С. 159, 197.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. — С. 451, 548.

Дело теперь было не только в том, что никакая сила не могла в условиях глубокой экономической депрессии и весьма сомнительного международно-политического положения на Дальнем Востоке наводнить Маньчжурию капиталами¹⁹⁶.

Присматриваясь внимательно к последующим фактам предвоенного периода в новой международно-политической обстановке, видим, прежде всего, что «безобразовская шайка» взяла в свои руки дипломатическое руководство не раньше, как после отставки С.Ю. Витте. До его отставки 16 августа 1903 г. они много шумели за кулисами и «обрабатывали» Николая II через посредство А.М. Безобразова; царь «колет» им, как выразился военный министр А.Н. Куропаткин, своих министров, контролирует и разведывает действительное положение того или иного вопроса, нащупывает «разномыслие» и «разно действие» «ведомств», чем только все больше сколачивает блок «триумвиров», но весь дипломатический план по-прежнему оставляет в их руках¹⁹⁷.

Переговоры России с Китаем в Пекине в результате противодействия им со стороны Великобритании и Японии кончились тем, что в апреле 1902 г. А.Н. Куропаткин дал свое согласие на учреждение военных постов по линии КВЖД и по рекам Амуру и Сунгари при условии окончательного отказа Китая предоставить России требуемые гарантии. Это была уступка, которой практически Витте, наконец, признавал поражение своей «мирной» политики и готов был открыто нарушить договор 26 марта 1902 г. об эвакуации. Отсюда недалеко оказалось и до «захвата», на который он дал согласие А.Н. Куропаткину произвести в северной Маньчжурии в ноябре 1903 г. уже после своей отставки, мечтая вернуться на свой прежний финансовый пост¹⁹⁸.

¹⁹⁶ См.: Дневник А. Н. Куропаткина // Красный Архив. – 1922. – №2 (2). – С. 58: Запись 19 августа 1903 г.

¹⁹⁷ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 420.

¹⁹⁸ См.: Романов. Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. – С. 220.

Таким образом, завершился долговременный курс С.Ю. Витте на применение мирных методов для укрепления экономического и политического влияния России на Дальнем Востоке.

Поражение царской дипломатии в борьбе за укрепление полного влияния России в Маньчжурии, произойди оно в условиях буржуазного парламентского строя, вызвало бы не только резкие запросы в палате, но грозило бы, вероятно, «кризисом» кабинета. Нечто отдаленно подобное случилось теперь. Николай II созвал своих министров на совещание 7 мая 1903 г., где они впервые встретились с А.М. Безобразовым уже не в качестве внештатного советника, а в качестве статс-секретаря вне ведомств. Это была фантастическая должность с функциями, до самого конца так и оставшимися неопределёнными. Но всё-таки должность, — и в этом было первое торжество «нового курса». В чём состоял этот «новый курс», было разъяснено министрам тут же на совещании 7 мая.

Во-первых, им было объявлено, что сам по себе договор 26 марта (8 апреля) 1902 г. означает «открытые двери» в Маньчжурию, а при открытых дверях иностранцы скоро убьют те зародыши русской торговли и промышленности, которые появились в Маньчжурии. «Железная дорога и Русско-Китайский банк будут служить иностранным интересам, а деятельность их будет ограничена конкуренцией Шаньхай-гуаньской Ж.Д., уже находящейся в руках англичан, и отделений иностранных банков, которые, вероятно, будут открыты в Нючжуане и в Дальнем»¹⁹⁹.

Во-вторых, на этом же совещании отмечалось, что за период с 1896 по 1903 г. военная мощь Японии значительно возросла. Поэтому она может активно добиваться пересмотра русско-китайского соглашения о Маньчжурии от 26 марта (8 апреля) 1902 г. Поэтому на совещании было заявлено, что Россия не думает отказываться от господства в этой китайской провинции, наоборот, она решила основать его на непоколебимой базе.

¹⁹⁹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 409—412.

Противоречивость идей, высказанных на совещании, выражалась в том, что одновременно с утверждением о необходимости сохранения целостности Китая и проведения эвакуации Маньчжурии, указывалось на заинтересованность России сохранении этой провинции в своих руках.

После совещания В.Н. Ламсдорф так охарактеризовал сущность политики России на Дальнем Востоке в беседе с французским послом в Петербурге М. Бомпаром: «отношения с Японией входят в норму, и что разделяет Россию и Японию не Маньчжурия, а Корея. Но и там русское правительство не ставит никаких препятствий японским предприятиям и довольствуется формулой: Корея экономическая – Японии, Корея стратегическая – России... Истина в том, что Россия признала необходимость ограничить сейчас свою деятельность на Дальнем Востоке, что она хочет сначала переварить Маньчжурию, а в Корее она требует от Японии сейчас не занимать ее войсками. Россия надеется добиться этого от Японии добром, и в этом задача миссий русского дипломата Р.Р. Розена и А.Н. Куропаткина в Токио, и здесь удовлетворены их результатом»²⁰⁰.

Однако, на совещании 7 мая В.Н. Ламсдорф практически не принял нового курса. С.Ю. Витте относительно увеличения боевых сил на Востоке твердо заявил, что новые ассигнования на этот предмет со стороны Государственного Казначейства нанесут тяжкие удары экономическому положению русского народа; В.Н. Ламсдорф тоже отрицал для России материальную возможность не отступить более ни на шаг²⁰¹.

Что касается позиции Николая II, то А.М. Безобразов отмечал, что у него была своя метода действовать, метода последовательной постепенности, при которой «остается в мёде много дегтя, и дело пакостится»²⁰².

²⁰⁰ Романов. Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. – С. 223.

²⁰¹ Русско-японская война 1904 – 1905 гг. – С. 139.

²⁰² Романов. Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. – С. 223.

Он имел в виду, что, проявив поспешность в принятии нового курса, Николай II ограничился полумерами, которые практически вопроса не двигали, а всех решительно сбивали с толку. И до самого учреждения наместничества 30 июля (12 августа) 1903 г. не знал, как «построиться» в отношении «нового курса».

С.Ю. Витте узнал теперь, что общие основания экономической политики на Дальнем Востоке будут обсуждены без его участия, между А.М. Безобразовым и наместником в Порт-Артуре Е.И. Алексеевым.

Правительственным кругам стало понятно, что это что-то вроде начала конца влияния С.Ю. Витте²⁰³.

В.Н. Ламсдорф подвергся истязавшему визиту А.М. Безобразова, который втолковывал ему, что министры теперь не министры, а только сознательные секретари под руководством государя, и довел В.Н. Ламсдорфа до того, что тот стал извиняться за недостаточную осведомленность, а если бы все знал, то иначе бы де и поступал²⁰⁴.

А.Н. Куропаткин был отправлен на полтора месяца с визитом в Японию до провозглашения «нового курса» и свободы вернуться в им самим намеченный срок²⁰⁵.

Влияние А.М. Безобразова возрастало. Его деятельность накануне русско-японской войны была столь яркой, наглой и беспринципной, что неизменно привлекала внимание историков и подробно описана в научной литературе. В связи с этим, нам представляется необходимым лишь привести основные пункты его программы и кратко охарактеризовать методы, к которым он прибегал для достижения своей цели.

Он предлагал:

1. Усилить русские военные силы в Приморье;
2. Занять доминирующее положение в Корее;

²⁰³ См.: Красный Архив. – 1926. – № 4 (17). – С. 79.

²⁰⁴ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 409 и сл.

²⁰⁵ См.: Русско-японская война. – С. 137.

3. Ускорить завершение Транссибирской магистрали;
4. Учредить нечто новое – «Восточно-Азиатскую промышленную компанию» для того, чтобы торговаться с Японией на коммерческой почве»²⁰⁶.

А.М. Безобразов разъезжал в Петербурге по штабам и министерствам, брал справки, без умолку болтал и похвалялся, что теперь все пойдет иначе, — и в результате весь петербургский бюрократический мирок кишел сплетнями и пересудами на тему о «заговоре», затеянном великим князем Николаем Александровичем с А.М. Безобразовым против царя с министрами.

Что все это не просто минутный каприз, а серьезное дело, которое собираются довести до какого-то конца, — за это говорило участие в нем самого министра внутренних дел В.К. Плеве, у которого в министерстве для Дальнего Востока спешно разрабатывались какие-то уставы и положения²⁰⁷.

Иностранный дипломатический мир становился свидетелем явственного расстройств в самом центре аппарата царизма, что удешевляло трудности его международного положения, давая западным державам и Японии лишние карты для их дипломатической игры, направленной на устранение опасного конкурента.

Заслуги С.Ю. Витте перед Россией отмечали все современники и последующие историки. Однако на Дальнем Востоке его долговременная политика закончилась поражением. Фактически экспансионистски настроенная часть политической элиты его победила и вынудила уйти в отставку. Агрессивный курс России на Дальнем Востоке все больше набирал силу.

²⁰⁶ Айрапетов О.Р. – С. 464.

²⁰⁷ См.: Дневник А. Н. Куропаткина»// Красный Архив. – 1922. – № 2 (2). – С. 41: Запись 10 апреля 1903 г.

30 июля (12 августа) 1903 г. после получения японской ноты российский адмирал Е.И. Алексеев был назначен наместником царя на Дальнем Востоке с резиденцией в Порт-Артуре. Его задачей было объединить под своим руководством работу всех ведомств на Дальнем Востоке, и ему дано было право дипломатических сношений, в первую очередь, с Китаем и Японией от имени царя. Это был встречный ход «нового курса» в ответ на японское предложение о Маньчжурии, оформленный втайне и не без участия В.К. Плеве. Это была ещё одна внутри аппаратная победа «нового курса». Министры узнали об указе из «Правительственного вестника». Военный министр А.Н. Куропаткин заговорил с царем о «доверии» и просил отставки. В.Н. Ламсдорф этого вопроса открыто не возбуждал, как обещал англичанам полтора года назад, но еще и через месяц имел «меланхолический» вид и признавался французскому дипломату, что предпочитает, чтобы судьба Маньчжурии находилась в руках другого, когда дело пошло о нарушении подписанного им договора об эвакуации²⁰⁸.

Даже В.К. Плеве несколько времени спустя (в ноябре 1903 г.) объяснял А.Н. Куропаткину, что Николай II был крайне недоволен противодействием министров. Царь говорил, что нельзя ему резко противоречить, что теперь влияние попало в нехорошие руки и, прежде всего, в руки людей несведущих: «всё дело в том, что в Маньчжурии собирались устроить особое государство»²⁰⁹.

Учреждение наместничества говорило о том, что Россия располагает в Маньчжурии всерьез и надолго²¹⁰. По существу это была игра в куклы: никаких самостоятельных дипломатических сношений

²⁰⁸ Дневник А. Н. Куропаткина // Красный Архив. – 1922. – № 2 (2). – С. 48 – 49, 54, 58.

²⁰⁹ Романов. Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. – С. 232.

²¹⁰ Дневник А. Н. Куропаткина // Красный Архив. – 1922. – № 2 (2). – С. 98.

адмирал Е.И. Алексеев не вел, так как боялся без согласия Петербурга сделать хотя бы один шаг.

В столице был несколько позднее учрежден Особый комитет по делам Дальнего Востока, куда успели назначить В.К. Плеве вице-председателем при царе председателе, а все собрание представлял один А.М. Безобразов.

В.Н. Ламсдорф, сидевший в Петербурге, боялся, как бы чего не натворил Алексеев, по его мнению, напыщенное и глупое существо, представивший проект штаба наместника на сумму в 412 тыс. руб. и в составе 80 генералов²¹¹.

Е.И. Алексеев, находившийся в Порт-Артуре, сам, в свою очередь, вечно думавший, как бы не сдурили петербургские чиновничьи души, и считал себя воякой²¹².

А.М. Безобразов к дипломатической части прямого отношения не имел и занимался экономической политикой. Но так как Николай II без наместника тут предпринимать ничего не хотел, то А.М. Безобразову оставалось попытаться внушать свои «идеи» Алексееву по телеграфу и через специально командированное в Порт-Артур лицо. Однако последнему это решительно не удавалось потому, что Е.И. Алексеев уклонялся от экономических вопросов по некомпетентности. Царю казалось, что это упрощает дело и вовсе не устраняет ответственности В.Н. Ламсдорфа²¹³.

В.Н. Ламсдорф, побывав еще и в Париже, вернулся в Петербург в конце октября, но оказался отрезанным на целый месяц от царя, который

²¹¹ Дневник А. Н. Куропаткина // Красный Архив. – 1922. – № 2 (2). – С. 98.

²¹² См.: Красный Архив. – Т.41 - 42. – С. 157 и след.

²¹³ См.: Дневник А. Н. Куропаткина // Красный Архив. – 1922. – № 2 (2). – С.75—79: Записи 8 сентября, 15 сентября, 14 октября. 28 октября и 24 ноября 1903 г.

задержался на пути в Сквернавцах и в Петербурге появился только в конце ноября. Как видим, во всем этом был свой стиль в работе²¹⁴.

Чего собственно хотел Николай II в Маньчжурии, Е.И. Алексеев толком не понимал, как и никто другой. Основную директиву ему продиктовал от имени царя В.Н. Ламсдорф: «Принять меры, чтобы войны не было»²¹⁵.

Комедия с четвертым приступом к Китаю с требованиями, намеченными триумвиратом (Куропаткин, Ламсдорф и «безобразовцы»)1 (14) августа, затянулась до 24 августа (6 сентября), и китайцы, по совету держав, ответили традиционным отказом. Переговоры с Китаем о гарантиях и эвакуации были прерваны на этот раз уже окончательно²¹⁶.

«Безобразовцы», кажется, не были уверены в том, что Е.И. Алексеев всецело на их стороне. Поэтому для защиты «нового курса» на новое совещание в Порт-Артур отправился сам А.М. Безобразов, а военному министру предписали задержаться в Японии до его прибытия.

На совещаниях в Порт-Артуре. А.М. Безобразов постоянно оставался в меньшинстве и заявлял свое особое мнение. Столкнувшись с неблагоприятной атмосферой, он пытался вообще уклониться от участия в дискуссии, его с большим трудом уговорили появиться на третьем заседании хотя бы под его конец²¹⁷.

Результатом порт-артурских совещаний, оглашённым на десятом заседании А.М. Безобразовым, явилось признание, что основой экономических позиций России в Китае являлись предприятия Министерства финансов. А.М. Безобразов призвал вместо увлечения исключительно торгово-промышленными соображениями к изменению

²¹⁴ См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 430, 442, 447.

²¹⁵ Красный Архив. – 1922. – № 2 (2). – С. 83.

²¹⁶ См.: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). – М., 1974. – С. 265.

²¹⁷ См.: там же. – С. 462.

общей политики с тем, чтобы удержать русских противников «от продолжения ими агрессивного способа действия»²¹⁸.

В ходе порт-артурских совещаний, состоявшихся 18 – 28 июня 1903 г., дополнительные требования к Китаю стали одним из главных предметов обсуждения. А главное, порт-артурские совещания пошли против предыдущей политики России: вместо уступчивости – усиление требовательности и давления. Стремления припугнуть соседей России, поделить территорию, не исполнять уже заключенные международные договоры и т.п. выглядели дико и никак не увязывались с общей политикой Петербурга в Китае, с общим взглядом на маньчжурскую проблему. На совещании было принято решение о запрете на отчуждение маньчжурской территории иностранцами, на назначение их военными инструкторами, на установление русских постов на р. Сунгари и на трассе Благовещенск – Цицикар и на защите интересов КВЖД²¹⁹.

Обобщая букву и дух порт-артурских совещаний, следует отметить, что Россия отнюдь не собиралась сдавать своих позиций в Маньчжурии.

§ 2. Англия и Япония против нового курса России на Дальнем Востоке

Бурно развивавшиеся события на Дальнем Востоке сопровождались общими серьезными изменениями в международных отношениях. Французская дипломатия постепенно старалась способствовать русско-английскому сближению. Об этом шла речь во время июльской поездки министра иностранных дел Франции Т. Делькассе в Лондон для решительного продвижения широкого англо-французского соглашения. Задача на первых порах сводилась к тому, чтобы убедить русского

²¹⁸ *Сладковский М.И.* – С. 265 и 463.

²¹⁹ *См.: Сладковский М.И.* – С. 406.

союзника, что предстоящее англо-французское соглашение не повредит франко-русскому союзу.

На деле оказалось, что В.Н. Ламсдорф, получив сообщение о лондонской беседе Т. Делькассе с русским послом П.К. Бенкендорфом на тему о возможности соглашения на условиях снятия Россией своей оппозиции Англии в долине Янцзы, дал инструкции П.К. Бенкендорфу обсудить в Лондоне этот вопрос с помощью французов. Максимум, чего можно ждать от России, – это, что она могла бы принять систему сфер влияния в Китае, т. е. уступить Англии Янцзы, – чтобы получить всяческую поддержку Англии в Маньчжурии и Корее²²⁰.

В результате русский посол, заговорив с министром иностранных дел Великобритании лордом Г. Лансдоуном о возможности более полного соглашения по китайским делам, предложил только какие-то уступки с русской стороны в долине Янцзы. Это, как видим, шло через В.Н. Ламсдорфа из Парижа от Т. Делькассе. Но в Лондоне лорд Г. Лансдоун, конечно, указал П.К. Бенкендорфу на Маньчжурию, и дело заглохло²²¹.

В отношении же сделанной В.Н. Ламсдорфом 29 июня (11 июля) декларации о том, что каковы бы ни были результаты переговоров, которые ведутся между Россией и Китаем, Россия не имеет намерения противиться постепенному, по мере развития торговых сношений, открытию Китаем некоторых городов в Маньчжурии для иностранной торговли, однако без права учреждать селтльменты, — лорд Г. Лансдоун занял положение наблюдающее и критикующее, пока Англии не будут сообщены заранее все условия, предлагаемые Китаю²²².

Когда 15 (28) июля 1903 г. японский посланник в России С. Курино передал В.Н. Ламсдорфу вербальную ноту с предложением войти в рассмотрение положения дел на Дальнем Востоке, где встречаются их,

²²⁰ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. – С. 223.

²²¹ См.: там же. – С. 229.

²²² British documents on the origin of the War. – II. – № 264.

России и Японии, интересы, выступление это было до точки согласовано с британским кабинетом.

В апреле 1903 г. выяснилось и стало понятно английской и японской дипломатии, что Россия не выполнит второго срока вывода своих войск из Маньчжурии²²³.

В связи с этим японский посланник в Лондоне граф Хаяси Тадасу предложил британскому правительству с полной откровенностью обменяться взглядами относительно общих интересов «обеих держав», поставленных под угрозу действиями России, и выразил надежду от лица своего правительства, что британское правительство не откажется признать «мудрость» образа действий, предложенного Японией. Поблагодарив, лорд Г. Лансдоун, конечно, полюбопытствовал, какие шаги Япония предпримет, если Россия не обратит внимания на ее представления. Граф Хаяси Тадасу отговорился незнанием²²⁴.

13 июля граф Хаяси Тадасу передал лорду Г. Лансдоуну меморандум, в котором сформулировал «главные пункты» намеченных японским правительством предложений: обоюдное признание Россией японских интересов в Корее, а Японией – русских железнодорожных интересов в Маньчжурии, и обоюдное признание права принимать меры к поддержанию этих интересов посылкой войск в свои сферы интересов. А затем, сославшись на то, что эта схема не предполагает какого-либо совместного или параллельного действия, он отметил, что соблюдение строгой тайны крайне существенно при данных обстоятельствах. Если же британское правительство намерено предложить, только по маньчжурскому вопросу, какое-либо совместное выступление заинтересованных держав, японское правительство надеется узнать об этом ещё до своего обращения к России с указанными предложениями²²⁵.

²²³ См.: Гальперин А. – С. 190 – 191.

²²⁴ См.: British documents on the origin of the War. – II. – № 238.

²²⁵ См.: Романов. Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской

Как комментировал этот меморандум советский историк А. Гальперин, «Япония предлагала не корейско-маньчжурский обмен..., а признание ее протектората над Кореей..., без аналогичного признания тех же прав России над Маньчжурией»²²⁶.

Лорд Г. Лансдоун 16 июля вручил японскому посланнику подробный меморандум, в котором предположения Японии были одобрены — с тем, что японское правительство будет держать английское правительство полностью в курсе переговоров с Россией, чтобы переговоры шли в полном согласии с англо-японским союзным договором²²⁷.

Даже из этих скупых дипломатических формулировок видно, что дело предпринималось Японией в расчете развязать войну с Россией, всячески затягивая дипломатические переговоры. Глава МИД Японии (1901 - 1906) Дзютаро Комура и сам признавался, что лично он не думает, чтобы русские имели в виду вести просто переговоры, а английский посол в Токио К. Макдональд считал, что «твердость в ведении дела с Россией скорее привела бы к мирному соглашению, чем политика чрезмерного соглашательства»²²⁸.

Эту идею английская дипломатия предоставила изложить лондонской прессе. Именно в этой связи осторожный в своих дипломатических письмах Макдональд упомянул, что премьер-министр Ито очень хочет соглашения с Россией, во что бы то ни стало, и что Ито «утверждал, что нынешние затруднения японского правительства и действия России в Маньчжурии и на границе Кореи являются прямым следствием англо-японского союза»²²⁹.

войны. — С. 230 – 231.

²²⁶ Гальперин А. — С. 194.

²²⁷ См.: British documents on the origin of the War. — II. — № 246.

²²⁸ Там же. — № 204.

²²⁹ Там же. — № 246.

К. Макдональд отражал здесь только общую позицию английской дипломатии: поглубже спрятать пружину, которую она хотела до конца держать в своих руках. Выступление лорда Крэнборна по адресу России было предпринято в момент, когда благословение Лондона японцам еще не было дано, и должно было иметь вид акта, исходившего из дружественной России французской инициативы, проявленной Т. Делькассе в бытность его в Лондоне²³⁰.

Анализируя дипломатические документы, которыми обменивались английские и японские дипломаты, в ходе предпринимаемых последних попыток Россией и Японией разрешить свои противоречия на Дальнем Востоке, следует отметить, что Великобритания всецело поддерживала Японию. Более того, своими двусмысленными заявлениями, она даже подталкивала Японию к войне с Россией. В ходе англо-японских переговоров Великобритания не обещала Японии военной помощи, но в силу духа англо-японского союза подтвердила свое стремление сохранять в отношении Японии благожелательный нейтралитет.

Предложение Англии о посредничестве между Россией и Японией было деликатно отвергнуто японской стороной.

Некоторые колебания Англии в ходе подготовки японской агрессии против России объяснялись неуверенностью в победе Японии над Россией в случае начала между ними открытых военных действий.

Объективно, ответ на вопрос о неблагоприятной роли Великобритании в развязывании русско-японской войны должен быть положительным.

§ 3. Экономическая политика России в Китае накануне русско-японской войны

²³⁰ См.: Романов. Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. – С. 232.

Дальневосточная политика России перед войной имела неустойчивый и противоречивый характер. Появление А.М. Безобразова на политической сцене стало одним из важных симптомов кризиса имперской власти в начале XX в.

С одной стороны, «безобразовцы» отразили неспособность официального бюрократического аппарата действовать новыми методами, используя предпринимательскую деятельность, концессии и т.п.

С другой стороны, они показали, что бесконтрольная опора на личный фактор приводит к вовлечению в высокую политику совершенно не пригодных к этому людей. Применительно к дальневосточной политике России следует признать, что именно «безобразовцы» внесли решающий вклад в изменение ее курса в 1903 г., в провал русско-японских переговоров и, таким образом, содействовали началу войны²³¹.

Действия Петербурга в регионе с этого момента диктовались в основном противостоянием МИДа и дальневосточного наместника. В них не учитывался в должной мере международный фактор, прежде всего, реакция великих держав на поведение России. Весь этот тяжелый груз лег на начавшиеся летом 1903 г. переговоры с Японией, в которых и проявилась принципиальная неспособность Петербурга придерживаться определенной и взвешенной точки зрения, а также достигнуть обоснованного, продиктованного национальными интересами компромисса.

Накануне русско-японской войны значительно изменилась политика Китая в его отношениях с Россией и западными державами.

Наиболее важной чертой новой политики Китая было наметившееся изменение в отношении правительства к торгово-предпринимательским слоям. Впервые в истории китайской империи государство объявило о своем стремлении отойти от ограничения предпринимательства, встав на

²³¹ См.: *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). – С. 406.

путь его поощрения. Созданное в 1903 г. указом двора Министерство торговли должно было всячески способствовать притоку частного капитала в промышленность и коммерцию.

За этим последовали указы, направленные на упорядочение горнорудного дела. Были сняты ранее существовавшие запреты на разработку природных ресурсов в ряде районов страны и одновременно приняты весьма существенные положения, связанные с упорядочением монетной системы.

В провинциальных центрах и наиболее развитых городах была разрешена организация торгово-промышленных палат, деятельность различных акционерных обществ и торговых союзов. Эти новые структуры впоследствии стали средством отстаивания не только экономических, но в определенной мере и политических интересов формирующейся буржуазии Китая²³².

Несмотря на то, что в начале XX в. китайский капитализм находился в стадии становления, явственно прослеживается цикличность в его развитии. Подъемы (1895—1903, 1905) сменялись серьезными кризисами (1900—1903). Тяжелее всего эти кризисные явления отразились на самом слабом секторе растущего капитализма — дофабричного производства. Особую роль в общеэкономическом спаде было суждено сыграть финансовому кризису в Шанхае и других договорных портах. Китай все больше втягивался в процесс капиталистического развития. Капиталистический уклад не был, конечно, господствующим, но, безусловно, являлся ведущим. В этой ситуации ярко проявились неспособность и отсутствие стремления маньчжурской династии создать действительно благоприятные условия для отечественного предпринимательства. Торгово-предпринимательские круги все настойчивее требовали проводить последовательно протекционистскую

²³² См.: История Китая с древнейших времен до наших дней. — М., 1974. — С. 236.

политику, использовать государственную казну для ускорения экономического развития Китая, отменить лицензий, унифицировать систему мер и весов, бороться с произволом со стороны бюрократии²³³.

С.Ю. Витте в письме министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу вскрыл антирусскую направленность новой экономической политики Китая. Так, он отмечал, что увеличение пошлин на товары, ввозимые в Китай по сухопутной границе, совершенно недопустимо с точки зрения русских интересов, так как это нарушит русскую торговлю и торговый договор России с Китаем²³⁴.

Россией предпринимались попытки завладеть промышленными объектами в Маньчжурии после неудачи с получением формальной монополии на них по общему договору с пекинским правительством 30 января (12 февраля) 1902 г. Представители обеих политических групп и империалистической, и феодальной, хлопотали вокруг этого дела. При этом в обоих случаях в это время шла речь о вложениях целиком из средств казны.

Дипломатические же усилия обеих этих групп, были направлены на то, чтобы формально-правовым способом защитить возможность взять свое русской буржуазии от промышленной эксплуатации Маньчжурии. Частного, банковского и иного капитала в Маньчжурии в одно только железнодорожное строительство к концу 1903 г. было вложено до 400 млн. руб. бюджетных народных денег, и это тоже выдавалось за реальные государственные интересы²³⁵. О том, чтобы по-настоящему и четко расчленив вопрос о столь разнородных интересах в дальнейшей дипломатической борьбе, при царизме не приходилось и думать, о чем свидетельствовала составленная для А.М. Безобразова в 1903 г. в

²³³ См.: История Китая с древнейших времен до наших дней. – С. 236 – 237.

²³⁴ См.: Сладковский М.И. – С.128.

²³⁵ См.: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С.209.

Министерстве финансов «справка о доходах и расходах казны на Дальнем Востоке»²³⁶.

Маньчжурский вопрос ставился в ней с ног на голову. Разбирая положение, создававшееся в Маньчжурии в результате подписания договора 26 марта 1902 г., отмечалось, что основной недостаток этого соглашения заключался в том, что оно не решало маньчжурского вопроса и оставляло вечно открытую возможность международных осложнений на почве сосуществования в Маньчжурии двух администраций и двух вооруженных сил — русской и китайской.

Договор этот, кроме того, не отвечал новой обстановке, созданной англо-японским союзом и дающей Китаю «негласную опору русских постоянных и непримиримых врагов»²³⁷.

Попытка А.М. Безобразова протащить через Николая II ноту о гарантиях и требование о предоставлении им лесной концессии на маньчжурском берегу р. Ялу, чего до сего времени так и не добился русский адвокат, присяжный поверенный, П.Г. Матюнин, не увенчалась успехом. В ноту вошли лишь те требования, на которые были согласны С.Ю. Витте и В.Н. Ламсдорф.

Тем не менее, указанный документ, составленный под влиянием А.М. Безобразова, имел явно провокационный характер.

В самом деле, пункт 1 ноты от 24 марта (6 апреля) имел целью просто метлой вымести из Маньчжурии всех иностранных концессионеров.

Пункт 2 означал вторжение русской дипломатии в начатые Америкой с Китаем переговоры о торговом договоре, по которому открывались для иностранной торговли Мукден и Дагушань, и проект которого США заранее дружески сообщили в Петербурге²³⁸.

²³⁶ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С.129.

²³⁷ Романов. Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С . 210 – 211.

²³⁸ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 424.

Пункт 3 был направлен против англичан, сводя на нет упомянутый выше англо-китайский договор 1902 г. в части его, касавшейся объединения маньчжурских таможен с общекитайским ведомством морских таможен и командирования в Маньчжурию агентов этого фактически английского учреждения²³⁹.

Накануне русско-японской войны продолжалось резкое торговое соперничество России, западноевропейских государств и Японии за овладение маньчжурским рынком.

Русский посланник П.М. Лессар считал безусловно нежелательным ввоз иностранных товаров в Маньчжурию, но для этого нужно было включить ее в русскую таможенную черту, что было равносильно ее присоединению. Вместе с тем он полагал, что вложение иностранного капитала в маньчжурскую промышленность желательно даже в случае ее присоединения и боялся только, что к тому явится очень мало желающих²⁴⁰.

Он понимал также, что на практике промышленная деятельность иностранцев, особенно японцев в Маньчжурии, будет неизбежно принимать политическую окраску и будет направлена против России.

Поэтому П.М. Лессар возвращался к старой программе: «не открывать в Маньчжурии новых пунктов иностранной торговли, не разрешать устройства селтльментов и урегулировать вопрос о промышленных концессиях согласно русским интересам»²⁴¹. Иными словами, это была все та же программа, основанная на принципе «закрытых дверей».

Совсем иначе повернул вопрос русский посол в Токио Р.Р. Розен. Он прямо предложил взять Маньчжурию под русский протекторат, одновременно заявить державам, что во всю Маньчжурию Россия

²³⁹ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С.217.

²⁴⁰ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 433—436.

²⁴¹ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С.222.

открывает такой же свободный доступ иностранным торговле и капиталам, какими они пользуются в коренных областях России, и обязаться ввести там тариф ниже китайского²⁴².

Его программа означала призыв к аннексии Маньчжурии при условии предоставления «открытых дверей» для иностранного капитала.

Таким образом, мы видим, что российская политическая элита продолжала настаивать на аннексии Маньчжурии. Вместе с тем, для успокоения западных держав и Японии Россия была готова предоставить им широкие экономические преференции в данном регионе.

В 1903 г., в год ввода в эксплуатацию КВЖД, промышленная продукция Европейской России, значительно подешевевшая в результате снижения транспортных расходов, стала быстро упрочивать свои позиции на маньчжурском рынке²⁴³.

Россия сумела добиться позитивных сдвигов в хозяйственных связях с Китаем. Торговый оборот с ним увеличился с 75,4 млн. в 1903 г. до 118,3 млн. руб. в 1904 г.²⁴⁴

Тем не менее, из-за отсутствия железнодорожных путей сообщения, связывавших промышленные центры России с Китаем, и отсталости коммерческого флота, торговые интересы России в этой стране были выражены слабо, по сравнению с западноевропейскими.

После открытия портов Китая для иностранной торговли русский экспорт постепенно уменьшался. Доставка товаров из России в Китай по сухопутным дорогам обходилась в 5,5 раза дороже, чем из стран Западной Европы морем. Экспорт из России в Китай снизился. Импорт же из Китая за счет ввоза дорогостоящего чая, наоборот, увеличился с 7,5 в 1896 г. до 33,3 млн. руб. в 1903 г.²⁴⁵

²⁴² Русско-японская война 1904 – 1905 гг. – С. 147.

²⁴³ См.: Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX – начало XX в.). – М., 1987. – С. 118.

²⁴⁴ См.: там же. – С. 120.

²⁴⁵ Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая в конце XVII — начале

Это свидетельствовало о том, что для китайского бюджета торговля с Россией оказалась весьма выгодной, так как она являлась для него источником иностранной валюты.

Российский экспорт в Северо-Восточный Китай был представлен как товарами из Европейской России — хлопчатобумажные ткани (ситец, бязь), металлы и металлические изделия, керосин, спички, так и дальневосточной продукцией (пушнина, кожа, рыба, морская капуста, трепанг, краб, панты). Морепродукты составляли 80% всего дальневосточного экспорта.

Из Маньчжурии на территорию российского Дальнего Востока ввозились: рогатый скот, лошади, овцы, свиньи, птица, а также мука, пшеница, чай, бобы, растительное масло, овес, яйца и другая сельскохозяйственная продукция ²⁴⁶. Продукты животноводства по стоимости составляли в среднем 60—66% дальневосточного импорта из Северо-Восточного Китая, главным образом из районов, граничивших с Монголией.

Нарождавшаяся китайская буржуазия вела активную торговлю в Южно-Уссурийском крае. Заработанные здесь деньги они отправляли на родину при содействии крупных русских и европейских торговых фирм, таких как «Шевелев и К^о», «Кунст и Альберс», «О. Линдгольм и К^о» и др. Общая сумма оборотов китайских фирм в Южно-Уссурийском крае составляла немногим более 1,5 млн. серебряных рублей. Китайская торговля, по мнению многих современников, была опасна с политической точки зрения²⁴⁷.

XX в. (обзор) // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. — М., 2000. — С.175—176.

²⁴⁶ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. (XIX — начало XX в.). — М., 1987. — С. 74

²⁴⁷ См.: Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... — С. 75—76.

С постройкой КВЖД (1897—1903 гг.), а также с ростом численности населения Дальнего Востока торговля с Китаем расширилась. Торговый оборот Амурской области с Маньчжурией увеличился за период с 1897 по 1900 г. с 1,5 млн. до 4 млн. руб.²⁴⁸

КВЖД в значительной мере скорректировала географическое направление русско-китайской торговли. На первое место выходила торговля через Маньчжурию, торговый оборот в которой в течение двух лет вырос в 12 раз и составлял в 1903 г. 78,9 млн. руб. Значение Кяхты, наоборот, упало: ее оборот сократился до 9,4 млн. руб.

Морская торговля продолжала достаточно активно развиваться — к этому времени ее объем составил 24,8 млн. руб., или 33% к общему знаменателю²⁴⁹.

Удельный вес Китая во внешней торговле России повысился с 3,5% в 1897 г. до 4,7% в 1903 г.²⁵⁰

Между тем, Китай, оправившись после Боксерского восстания, и используя, политические и экономические противоречия держав, боролся за ослабление своей зависимости от иностранных капиталов, против концессионной и финансовой экспансии Запада.

25 августа 1903 г. правители «Поднебесной» учредили Министерство торговли, которое возглавил Цзай Чжен. В его ведение поступили все железнодорожные и горные концессии в стране. Чуть позже, 19 ноября 1903 г. появились новые правила строительства железных дорог в Китае, максимально ужесточившие контроль участия иностранцев. По этому образцу 4 марта 1904 г. были также приняты горные правила, значительно сократившие произвол в выдаче концессий. В конце 1903 г. маньчжурские власти уже требовали возврата китайцам старых приисков.

²⁴⁸ См.: там же. — С. 88

²⁴⁹ Японские дневники . А.Н. Куропаткина // Российский архив. — М., 1995. — Т. XVI. — С. 396 — 397.

²⁵⁰ См.: Очерки по экономике Маньчжурии. — Харбин, 1934. — С. 95

Несмотря на предпринятые Китаем усилия, его экономическое закабаление западноевропейскими державами не ослабло. В этом активное участие принимала и Россия, которая, несмотря на вступление в войну с Японией, продолжала наращивать свое экономическое присутствие в «Поднебесной».

§ 4. Политико-экономические интересы Великобритании в Китае накануне русско-японской войны

В начале XX в. Англия оставалась одной из самых могущественных в экономическом отношении и одной из самых богатых стран мира²⁵¹. Великобритания начала ранее других стран политику закабаления Китая и готовилась к его разделу. Англичане уже держали в своих руках контроль таможенных доходов Китая, господствовали в его внешней торговле, захватили в свои руки легкую промышленность. Изначально Китай играл роль рынка сбыта английских товаров и источника сырья для английской промышленности. Внимание английской буржуазии все больше привлекали в Китае дешевизна сырья и рабочей силы, что позволяло получать здесь более высокую прибыль, чем в самой Англии²⁵².

Захватив преобладающие позиции в Китае, английские империалисты считали деятельность других держав покушением на свою монополию. Особенное беспокойство англичан вызывала деятельность России, которая поддерживала хорошие отношения с Китаем: с одной стороны, последний видел в России известный противовес английской агрессии, а, с другой стороны, географическая близость давала России известные преимущества в Китае.

По-прежнему весьма прочными были позиции Великобритании в международной торговле и в банковском деле. В Англии находились крупнейшие товарные биржи, здесь заключались сделки на покупку и

²⁵¹ См.: *Ерофеев Н.А.* Очерки по истории Англии. 1815 – 1917. – С.170.

²⁵² См.: там же.

продажу почти всех товаров и видов сырья, через Англию шёл огромный товарный поток во все страны.

Лондон был также и международным финансовым центром, английский фунт служил мировой расчётной единицей²⁵³.

На первом месте по капиталовложениям в Китае стояла Англия. Она фактически контролировала долину реки Янцзы и южные провинции Китайской империи. На начало XX в. англичане составляли около 30% всех иностранцев в Срединной империи. Но главенствующую позицию Англии на Дальнем Востоке подрывали другие державы, особенно Россия и Япония. Британцы искренне считали себя доминирующей силой в Китае, и любые попытки поколебать их могущество воспринимали очень остро.

Чрезвычайно болезненно они отнеслись к сепаратным российско-китайским переговорам в Маньчжурии в 1903 г. Как только англичане в Пекине получили сведения о содержании ноты русского дипломата Е.А. Плансона от 5 апреля, пункты ее были признаны в Лондоне совершенно неприемлемыми. Английскому представителю в Пекине было указано действовать совместно с его японским коллегой. Оба они тотчас же предложили пекинскому правительству в сопротивлении русским требованиям поддержку, подобную той, которая была оказана во время переговоров о Маньчжурской конвенции в 1902 г., а затем о ноте Е.А. Плансона был поставлен в известность и Вашингтон²⁵⁴.

Все японские газеты, комментируя ход российско-китайских переговоров, публиковали в течение нескольких дней возбуждённые статьи, возвещая войну в ближайшее время. Телеграммы из Китая и рейтеровские сообщения еще больше возбуждали умы. Военный министр созвал в Токио всех генералов, командующих дивизиями, даже с Формозы. Совет министров собирался неоднократно; необычно заездили сановники

²⁵³ См.: там же. – С.171

²⁵⁴ См.: *Романов. Б.А* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – С.218.

на аудиенции к микадо. Английский посол, по сведениям А.Н. Куропаткина, считал положение в Токио очень серьезным²⁵⁵.

Британская пресса не отставала от японской. Лондонская «Таймс» объявила России войну, по мнению А.Н. Куропаткина, очень искусную и коварную, но беспощадную, состоявшую в том, чтобы «ежедневно печатать телеграммы со всей России с сообщениями о беспорядках, забастовках, мятежах, еврейских погромах, участии полиции и администрации во всяких злоупотреблениях и т. п.»²⁵⁶.

Отношение Великобритании к сепаратным российско-китайским переговорам озвучил 11 июля 1903 г. в парламенте лорд Крэнборн. Он заявил, что русское правительство прекрасно знает, что мы были бы чрезвычайно рады достигнуть соглашения. Однако для этого было бы необходимо, прежде всего, чтобы со стороны русского правительства была готовность к этому. И, кроме того, с российской стороны требовалось отчетливое представление о том, чего именно добивается русское правительство. Но именно этого-то в Англии и «были совершенно не в состоянии понять»²⁵⁷.

Далее Крэнборн не без сарказма заметил, что «пришлось усомниться в том, чтобы русское правительство представляло собою настолько однородную величину, насколько это возможно было бы а priori предполагать для деспотического государства, напротив того, в русском правительстве оказалось по меньшей мере две партии, с которыми приходилось иметь дело»²⁵⁸.

Так официально и во всеуслышание было заявлено на весь свет, что Великобритании сложно вести с Россией переговоры, как по вопросу о

²⁵⁵ См.: Дневник А. Н. Куропаткина // Красный Архив. – 1922. – № 2 (2). – С. 90.

²⁵⁶ Дневник А. Н. Куропаткина // Красный Архив. – 1922. – № 2 (2). – С. 99.

²⁵⁷ Гальперин А. – С. 208 – 209.

²⁵⁸ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. – С. 477.

Китае, так и их отношениях в Маньчжурии из-за разногласий, существующих в российских политических кругах.

5 сентября 1902 г. был заключен новый англо-китайский договор. По нему правящие круги Великобритании добились новых льгот и уступок.

Китайское правительство, как и прежде, лишалось права самостоятельно устанавливать таможенные пошлины и использовать их в протекционистских целях. В приложенном к договору Импортном тарифе они были зафиксированы в размере 5% стоимости товара. Пересмотр тарифа по согласованию сторон допускался не ранее чем через 10 лет. Вновь подтверждалось освобождение иностранных товаров от всех видов внутри китайского таможенного обложения.

В виде некоторой компенсации китайская сторона получила право повышать пошлины до 7,5% от стоимости на некоторые импортные и экспортные товары. В то же время англичане добились, чтобы производимые в Китае машины, шерстяные ткани и машинная пряжа, которые являются непосредственными конкурентами основных видов британского экспорта в Китай, подлежали двойному обложению²⁵⁹.

Наконец, для иностранной торговли было открыто ещё пять портов: Чанша в Хунани, Ваньсян в Сычуани, Аньцин в Аньхое, Хайчжоу и Гуньмынь в Гуандуне. Поскольку число проживавших в этих городах иностранцев было невелико, в договоре отмечалось, что они могут создавать собственные муниципалитеты и полицию лишь с согласия местных властей, а до этого должны соблюдать китайские муниципальные и полицейские правила.

Одним из важнейших в договоре был пункт об изменении горного законодательства Китая. Добыча полезных ископаемых в Китае традиционно относилась к сфере государственной монополии²⁶⁰.

²⁵⁹ См.: Treaties, Conventions etc , between China and foreign States. – Vol. 1. – P.551.

²⁶⁰ См.: Сладковский М.И. – С. 127.

Англо-китайский договор 1902 г. явился свидетельством прочности позиции Великобритании в Китае, опиравшейся на свои военно-морские базы и концессии, сохранявшей мощные рычаги воздействия на политику китайского правительства: в первую очередь, контроль китайской таможни и, следовательно, над таможенными доходами, составлявшими главный финансовый источник обеспечения контрибуции, наложенной на Китай после подавления восстания Ихэтуань.

Российский посланник в Пекине П.М. Лессар отмечал в своей записке от 4 января 1903 г. что новый торговый договор Англии с Китаем дает ей такие преимущества, которые нарушают существовавшее до этого положение и ведут к финансовому разорению Китая²⁶¹.

Китай превратился в открытый рынок и арену жесточайшей конкурентной борьбы между ведущими державами мира, в ходе которой Англия все больше теряла свои главенствующие позиции, например, в 1904 г. объем англо-китайской торговли упал до 72 490 таможенных таэлей, что составляло во внешней торговле Англии с Китаем 12,4%.

Ведущая роль в англо-китайском товарообороте принадлежала Гонконгу. Именно благодаря ему, Великобритания сохраняла первое место среди иностранных государств в торговле с Китаем. Развитие гонконгской торговли несколько замедлилось накануне русско-японской войны: активное торговое сальдо Гонконга составило около 1 млрд. таможенных таэлей: в 1894 – 1913 гг. 949 828 млн.²⁶²

Проникновение британского капитала в Китай с 1899 по 1914 г. осуществлялось путем предоставления ему 11 займов на сумму 48.5 млн. американских долларов и совместно с банками других стран четырех займов на сумму 33.9 млн. американских долларов.

²⁶¹ АВПРИ. «Ф. Китайский стол». – 1903. – Д.43. – Л. 18 – 19 .

²⁶² См.: *Hou chi-ming*. Foreign Investment and Economic Development in China. 1840 – 1937. – Cambridge, 1965. – P. 229.

Из общей суммы китайских обязательства на Великобританию приходилось более 110 млн. долларов или 38 % всех обязательств и 42,4% только английских капиталовложений в эту страну²⁶³.

Эта сумма складывалась из задолженности по займам на общие цели 98 475 тыс. долл., займов на железные дороги 11 192 тыс., займов на средства сообщения 620 тыс. долл.²⁶⁴.

Правительство Китая получило также три займа для выплаты контрибуции на сумму 4,9 млн. фунтов стерлингов, пять займов на административные цели (33,6 млн. фунтов), десятки железнодорожных займов на 34,9 млн. и пять промышленных внешних займов почти на 80 млн. фунтов стерлингов²⁶⁵.

Большая же часть британских капиталовложений состояла из так называемых деловых инвестиций, направляемых непосредственно в китайскую экономику. Такая форма инвестиций позволяла иностранцам прибирать к рукам целые отрасли народного хозяйства, усиливать своё влияние на экономическую жизнь страны. На долю деловых инвестиций приходилось 65,8% всей суммы британских инвестиций в Китае. Они охватывали важнейшие отрасли промышленности, транспорта, торговли.

Несмотря на относительное ослабление позиции в масштабе всего Китая, Великобритания сохранила свою сферу влияния в его центральных и южных районах, где на ее долю приходилась значительная часть внешней торговли Китая и иностранных инвестиций в китайской экономике²⁶⁶.

К началу русско-японской войны значительно обострилась борьба великих держав за раздел сфер влияния в Китае. Это оказывало существенное воздействие и на русско-английские отношения на Дальнем Востоке.

²⁶³ См.: *Ho Ping-vin*. The foreign Trade of China. – Shanghai, 1935. – P.347.

²⁶⁴ См.: *Остриков П.И.* – С. 74.

²⁶⁵ См.: *Remer G.F.* Foreign investment in China. – N.Y., 1933. – P.361.

²⁶⁶ См.: *Сладковский М.И.* – С.140.

Главный узел англо-русских противоречий сложился не только в Манчжурии. Она интересовала Англию лишь потому, что Маньчжурия могла послужить трамплином, с которого России легко было броситься на китайскую столицу, а затем и на остальной Китай. При условии, что Россия дальше Манчжурии не пойдёт, Англия готова была даже признать особые интересы и особое положение России в этом крае, с оговоркой насчет принципа «открытых дверей» для иностранной торговли. Английская дипломатия довела это до сведения Петербурга²⁶⁷.

Все эти домогательства Англии сводились к тому, чтобы окружить индийскую границу поясом буферных территорий, подчинённых английскому контролю.

В конце концов, надо констатировать, что в основе всей дальневосточной политики Англии лежала экономика, и главная ее задача на Дальнем Востоке заключалась в том, чтобы сохранить и упрочить там своё первенство, не допустив укрепления русского влияния на Дальнем Востоке. Таким образом, борьба с Россией на Дальнем Востоке была для Англии борьбой за беспрепятственное расширение и сохранение своей торгово-промышленной монополии в Китае.

В августе 1903 г. японское правительство возобновило переговоры с Россией. Последняя была готова признать японский протекторат над Кореей с оговорками, чтобы обеспечить свободу плавания по Корейскому проливу, запретить ввод японских войск в пограничную с Россией и Манчжурией зону и т.д. Взамен Россия требовала, чтобы Япония признала Манчжурию областью, находящейся «во всех отношениях вне сферы её интересов»²⁶⁸.

В дальнейшем русская дипломатия всё время настаивала на том, чтобы маньчжурский вопрос касался исключительно России и Китая, а также, чтобы Япония вообще не вмешивалась в маньчжурские дела.

²⁶⁷ См.: *Сладковский М.И.* – С. 140.

²⁶⁸ Там же.

Японцы же требовали, чтобы объектом русско-японского соглашения стало положение России и Японии не только в Корее, но и в Манчжурии²⁶⁹.

23 декабря 1903 г. японское правительство в лаконичных выражениях, по форме напоминающих ультиматум, сообщило, что «чувствует себя вынужденным просить императорское российское правительство пересмотреть своё предложение в этом смысле»²⁷⁰.

Русское правительство пошло на уступки. Однако 13 января 1904 г. Япония еще более повысила свои требования. Чувствуя свою военную неподготовленность, царское правительство уже собиралось дать примирительный ответ, но промедлило с его формулировкой. Японцы не стали его дожидаться²⁷¹. И первыми открыли военные действия.

В ходе русско-японских переговоров накануне войны Великобритания занимала довольно сложную позицию. Единодушное мнение советских историков о том, что она, безусловно, подталкивала Японию к войне с Россией, нуждается в некоторой корректировке. Это вытекает из того факта, что значительная часть британских военных и политических деятелей боялись военного поражения Японии, и, как следствия, значительного усиления России на Дальнем Востоке²⁷².

Поэтому и возник вопрос о посредничестве Англии в русско-японских переговорах. Несмотря на то, что в ходе переговоров Великобритания, несомненно, поддержала бы Японию, последняя отвергла эту идею. Это доказывает, что победившие внутри страны японские милитаристы были, безусловно, нацелены на открытие военных действий против России²⁷³.

* * *

²⁶⁹ См.: там же. *Сладковский М.И.* – С. 140.

²⁷⁰ *Сладковский М.И.* – С. 140.

²⁷¹ См.: там же.

²⁷² См.: *British Documents on the Origin of the War.* – Vol. II. – P. 211, 228.

²⁷³ См.: *Гальперин А.* – С. 20.

Международная обстановка на Дальнем Востоке еще более усложнилась накануне русско-японской войны. Это было вызвано тем, что противоречия между Россией и Англией, Россией и Японией фактически не могли получить мирного разрешения. Западные европейские державы и США тоже боролись за свои интересы в Китае. Таким образом, Дальний Восток стал туго сплетенным узлом международных противоречий.

Россия в указанный период активизировала внешнюю политику в Китае. Произошла переориентация ее внешнеполитического курса на Дальнем Востоке. От «мирных» усилий С.Ю. Витте по освоению Китая Россия перешла к более жесткой агрессивной политике. Китаю, фактически силою, было навязано соглашение, значительно укрепившее в нем русское влияние. Создание Дальневосточного наместничества стало еще одним шагом по укреплению в дальневосточном регионе и подготовке к возможной войне с Японией.

Что касается экономических вопросов, то Россия – страна второго эшелона капиталистического развития – традиционно имела более слабые позиции в Китае, чем Великобритания. Российский торговый оборот с Китаем был несопоставим с британским оборотом, как по размеру стоимости, так и по номенклатуре товаров.

Англия, как и Россия, имела железнодорожные концессии. Однако, в отличие от России, она строила на территории Китая многочисленные промышленные предприятия, целиком захватила сферу связи. Несопоставимы были также финансовые вливания Англии в экономику Китая по сравнению с российскими. Столь глубокое проникновение в китайскую экономику заставляло британское правительство активно действовать в политическом плане в интересах своей промышленной, торговой и финансовой буржуазии. Все усилия британской дипломатии были направлены на защиту английских инвестиций в Китай.

В период, изученный в данной главе, шли длительные переговоры между Россией и Англией, Англией и Японией, Россией и Японией. В их ходе стороны пытались разрешить спорные вопросы, в первую очередь, о судьбах Маньчжурии и Кореи. Однако противоречия были столь остры, что эти переговоры и бесконечные консультации фактически ни к чему не привели.

Япония прочно встала на рельсы войны с Россией. Англия не предприняла никаких шагов для предотвращения этого конфликта.

Трагедия России заключалась в том, что русская дипломатия не смогла заручиться ни одним союзником в противостоянии с Японией. Англия активно поддерживала Японию, ссылаясь на букву англо-японского союзного военно-политического договора. Другие западноевропейские державы (в том числе и союзная России Франция) просто «умыли руки» и заняли позицию стороннего наблюдателя.

Заключение

Во второй половине 90-х гг. XIX в. происходили серьезные изменения во внешнеполитических приоритетах России. Это было связано, в первую очередь, с ослаблением ее позиций на Ближнем Востоке, потерей влияния на Балканах и в Константинополе. Одновременно русская дипломатия отдавала себе отчет (в чем ее поддерживали и военные круги), что решение важнейшей для России проблемы наиболее благоприятного для нее режима Черноморских проливов откладывалось на неопределенный срок.

В связи с этим русское правительство начало с середины 1890-х гг. уделять все большее внимание дальневосточному направлению своей политики. Это было обусловлено рядом факторов.

Геополитические интересы требовали обеспечить безопасное развитие русского дальневосточного региона, охраны многокилометровой границы с Китаем. Наращивание военно-морских сил западных держав (в первую очередь, Великобритании) диктовало России необходимость укреплять свой флот на Дальнем Востоке.

Другим фактором, тесно связанным с первым, была все возрастающая агрессия западных держав и Японии против Китая. Планы раздела Китая или отторжения от него значительных территорий, витали в воздухе. Россия не могла допустить появления непосредственно на своих границах сильного в военном и экономическом отношении какого-либо западного государства или Японии.

Большое значение имел и экономический фактор. Для обеспечения благоприятного хозяйственного развития русского Дальнего Востока необходимо было налаживание широких торговых связей с Китаем, что подразумевало укрепление русского влияния в Пекине и стремление к заключению с ним выгодных для России торговых соглашений. Это естественно вело к углублению конфронтации России с Великобританией.

Неразвитость российской морской торговли требовала от Петербурга форсировать железнодорожное строительство. Железная дорога должна была связать центр России с дальневосточным регионом. Реализация идеи строительства КВЖД вела к укреплению связей России с Китаем. Борьба за железнодорожные концессии на территории «Поднебесной» стала еще одной из острейших причин усиления русско-английских противоречий в Китае.

Первоначально программа углубления русско-китайского сотрудничества, разработанная С.Ю. Витте, подразумевала мирные методы. Финансово-экономическое проникновение России в Китай

сопровождалось значительными денежными субсидиями, организацией специальных банков для поддержки финансовой системы Китая, многомиллионными взятками китайским чиновникам для получения экономических преференций и т.д. Одновременно успешно завершалось строительство КВЖД, условия эксплуатации которой были оговорены специальным российско-китайским соглашением.

Следует особо подчеркнуть, что финансово-экономическое проникновение России в Китай шло непосредственно под государственной эгидой. Русская буржуазия без государственной поддержки была не в состоянии конкурировать с западноевропейской.

Главным противником России в Китае была Великобритания. Ее экономический потенциал в этом регионе был несравним с российским. Англия постепенно захватывала ключевые позиции в финансовой сфере, промышленности, торговле и средствах связи. Однако ее политические позиции на Дальнем Востоке были не столь сильны, как экономические. Во-первых, в конце 1890-х г. Великобритания находилась в международной изоляции. Какой бы «блестящей» эта изоляция ни была, Англия не имела надежных союзников ни в Европе, ни на Дальнем Востоке. Во-вторых, ситуация усугублялась англо-бурской войной, неодобрительно встреченной всей международной общественностью. Что касается непосредственно Дальнего Востока, то его удаленность от метрополии создавала определенные трудности для проведения Великобританией наступательной внешней политики, в том числе против России. Попытки британского кабинета договориться с Петербургом по ряду спорных вопросов из-за глубины противоречий постоянно терпели неудачу. В связи с этим Великобритания постоянно искала себе союзников для борьбы против России на Дальнем Востоке.

Одновременно часть правящих кругов России настаивала на проведении более жесткого и агрессивного курса по отношению к Китаю. Первым проявлением этого курса была российская аннексия Ляодунского

полуострова с Порт-Артуром, который стал крупной российской военно-морской базой на Дальнем Востоке.

Говоря о русско-английских противоречиях в Китае, не следует забывать также и о устремлениях Германии, Франции и Японии урвать свой кусок от Китая. Их взаимная грызня и столкновение противоположных интересов создали такое положение, при котором оказалось невозможным достижение согласованного решения держав о разделе Китая.

Однако широкое народное восстание в Китае против иностранного засилья и его жестокое подавление войсками Великобритании, Франции, Германии и России привело к дальнейшему закабалению «Поднебесной». Китай был вынужден выплачивать огромную контрибуцию «за ущерб», нанесенный в ходе восстания иностранной собственности.

После подавления этого восстания в российских правящих кругах происходила борьба между С.Ю. Витте и экспансионистской группировкой. Их противостояние касалось решения вопроса о выводе русских войск из Маньчжурии, оккупированной в 1900 г. На политическую сцену вышла так называемая безобразовская партия, которая навязывала Николаю II и его правительству авантюристический курс на Дальнем Востоке.

Все это в еще большей степени привело к обострению англо-русских противоречий. В британской прессе, в парламенте, в части правительственных кругов зрела мысль о необходимости обуздать русские аппетиты на Дальнем Востоке. Действия русского правительства по расширению торговых связей с Китаем, финансовое проникновение в сферу китайской экономики, затягивание вывода войск из Маньчжурии крайне раздражали британскую буржуазию и заставляли ее побуждать свое правительство к проведению более активного и жесткого курса на Дальнем Востоке.

Это заставляло английское правительство в буквальном смысле лихорадочно искать союзника против России. Велись переговоры и с Германией, и с США, однако лишь Япония охотно откликнулась на британские призывы к союзу.

Япония была заинтересована в союзе с британцами, так как глубокие противоречия между нею и Россией из-за Маньчжурии и Кореи заставляли ее склоняться к мнению, что они могут быть решены только военным методом.

Англо-японский союз 1902 г. развязал руки японским милитаристским кругам и стал предвестником русско-японской войны 1904 – 1905 гг.

Великобритания накануне войны обещала Японии занять позицию доброжелательного нейтралитета, твердо следовать духу и букве подписанного договора. Это позиция, несомненно, означала провоцирование Англией русско-японского конфликта, который, как показали дальнейшие события, принес ей значительные политические и экономические дивиденды.

Источники и литература

Неопубликованные материалы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):
Фонд 143. «Китайский стол». – 1903. – Ед. хр. 43.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):
Фонд 568. В.Н. Ламздорф. – Опись 1. – Ед. хр. 126 – 128.

Опубликованные материалы

А) Документальные публикации

1. Английская Синяя книга. – China. – 1904. – № 2. – http://www.m.litfile.net/read/41750/45937_46943?page=37
2. Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.) // Красный Архив – 1927. – № 6 (25).
3. Безобразовский кружок летом 1904 г. // Красный Архив. – 1926. – № 4 (17).
4. Глинский Б.Б. Пролог русско-японской войны: Материалы из архива графа С.Ю. Витте. – Пг.: «Брокгауз-Ефрон», 1916.
5. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925). – М, 1927.
6. Документы о восстании Ихэтуань // Красный архив. – 1926. – № 1 (14).
7. Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг. // Красный Архив. – 1932. – № 1 – 2 (50—51).
8. Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. – январь 1902 г.) // Красный Архив. – 1934. – № 2 (63).
9. Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. – СПб.: Изд. МИД, 1906.
10. Русско-китайские отношения 1689 – 1916. Официальные документы. – М., 1958.
11. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока, 1895 – 1905 гг. – СПб., 1906.
12. Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. – М., 1952.
13. Сборник консульских донесений: год одиннадцатый. – СПб., 1908. – Вып. 1.

14. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. / Под ред. В.И. Покровского. – СПб., 1902. – Т. 1.
15. Anglo-American and Chinese Diplomatic Materials Relating to Korea: 1887 – 1897. – Pusan, 1984.
16. British Documents on the Origin of the War. 1898 – 1914. / Edited by G.P. Googh, D. Litt and H. Temperley. – L.: Foreign Office, 1927. – Vol. II. – <http://www.net.lib.byu.edu/~rdn7/wwi/1914m/.../firstpp.htm>
17. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. – B., 1927. – Bd. 17. – <http://www.AkteneditionenPublikationvon/Akten.html>
18. The Anglo-Japanese Alliance, 1902 – 1922 // Military Needs of the Empire in a War with France and Russia, secret, E.A. Altham. – L.: Public Record Office (PRO. War office 106/48). – <http://www.books.google.ru/books?isbn=0203316673>
19. Treaties, Conventions etc. Between China and foreign States. – Shanghai, 1917. – Vol. I.

Б) Публицистика и периодическая печать

1. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. – СПб., 1894.
2. Левин Н. Географические и экономические данные о Маньчжурии // Сибирский сборник. – 1898.
3. Романов Ф.П. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 год. – Томск, 1898.
4. Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. 4.7. – СПб., 1874.
5. Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1894 – 1903.
6. Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly record of Geography. – L., 1888. – V. X.
7. The Times. – 1895 – 1903.

В) Мемуары, записки, дневники

1. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. – М., 1923. – Т. 3.
2. В штабе адмирала Е.И. Алексеева (Из дневника Е.А. Плансона) // Красный Архив. – 1930. – № 4 – 5 (41 – 42).
3. *Витте С.Ю.* Воспоминания. – М., 1960. – Т. I.
4. *Витте С.Ю.* Воспоминания. – СПб., 2003. – Т. 2: Рукописные заметки.
5. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный Архив. – 1922. – № 2 (2).
6. Записки графа Хаяси Тадасу об англо-японском союзе // Известия Министерства иностранных дел. – СПб., 1913. – № 5.
7. *Извольский А.П.* Воспоминания. – М.– Пг., 1924.
8. Японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. – М., 1995. – Т. XVI.
9. *Pooley A. M.* The Secret Memoirs of Count Hayashi Tadasu. – L., 1915.

Г) Эпистолярный

1. Переписка Вильгельма II с Николаем II. – М., 1923.
2. Переписка министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа с другими членами царского правительства и российскими представителями в Японии и других странах относительно политики царского правительства на Дальнем Востоке // Красный архив. – 1934. – № 2 (63).
3. Письма С.Ю. Витте Д.С. Сипягину (1900 – 1901) // Красный Архив. – 1926. – № 5 (18).

Литература

1. *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801 – 1914). – М.: Изд-во «Европа», 2006.
2. Англия, Китай и Япония накануне войны 1894 – 1895 гг. // Исторические записки / Отв. ред. Б.Д. Греков. – М., 1946. – Т. 19.

3. *Бугрова М. С.* Проблема Китая в дальневосточной политике Великобритании в 70-х – первой половине 90-х гг. XIX века: автореферат дис. к.и.н. – М.: МГУ, 2009.
4. *Васильев Л. С., Латина З. Г., Меликсетов А. В., Писарев А. А.* История Китая: Учебник для студ. вузов, обуч. по ист. спец. / А.В. Меликсетов (ред.) — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Московского университета, 2004.
5. *Верещагин А.С., Хайретдинов Р.Х.* История Российского предпринимательства: от истоков до начала XX в.: Учеб. пособие. – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2009.
6. *Гальперин А.* Англо-японский союз. – М., 1947.
7. *Грановский Е.* Монополистический капитализм в России. – Л., 1929.
8. *Дацышен В.Г.* Проблемы российско-китайской торговли в конце XIX в. // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». – Иркутск, 1895. – Вып. III.
9. *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700 – 1918 гг. – М., 2004.
10. *Ерофеев Н.А.* Очерки по истории Англии. 1815 – 1917. – М., 1959.
11. *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. – М., 1951.
12. *Игнатъев А.В.* С.Ю. Витте – дипломат. – М., 1989.
13. История XIX века / Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. – М., 1939. – Т. 8. Часть вторая (1870 – 1900).
14. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. – М., 1997.
15. История дипломатии. В 3-х т. / Под ред. В.П. Потемкина. М – Л., 1945. – Т. 2.
16. История Китая с древнейших времен до наших дней. – М., 1974.
17. Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б.В. Ананьич (руководитель проекта) и др. – СПб., 2005.

18. *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX—начале XX вв. – СПб., 2008.
19. *Луцкий Е. А.* История СССР (1861 – 1917). – М., 1956.
20. *Медяков А.С.* История международных отношений в Новое время. – М., 2007.
21. *Мышлаевский А.З.* Военные действия в Китае 1900 – 1901 гг. – СПб., 1905.
22. *Нарочницкий А.Л.* Англия и Китай на пути к японо-китайской войне 1894 – 1895 гг. // Исторические записки. – М., 1946. – Т. 19.
23. Новая история стран Европы и Америки: начало 1870-х гг. – 1918 г. / Под ред. И.В. Григорьевой. – М , 2001.
24. *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. – М., 1997.
25. *Остриков П.И.* Империалистическая политика Англии в Китае в 1900 – 1914 гг. – М.: Наука, 1978.
26. Очерки по экономике Маньчжурии. – Харбин, 1934.
27. *Позднеев Д.* Описание Маньчжурии. – СПб., 1897. – Т. I.
28. *Покотилов Д.Д.* Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. – СПб, 1895. – Часть 1.
29. *Покровский В.И.* Внешняя торговля России 1856 – 1894 гг. // Производительные силы России. – СПб., 1896.
30. *Попов А.Л.* Боксерское восстание // Красный Архив. – 1926. – № 1 (14).
31. *Попов А.Л.* Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888 – 1903 гг.) // Красный Архив – 1932. – № 3 (52).
32. *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895 – 1907). – М.:Л.: Наука, 1955.
33. *Романов Б.А.* Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Л., 1928.

34. *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892 – 1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Л., 1928.
35. *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX – начало XX в.). – М., 1987.
36. *Романова Г.Н.* Торговые связи России и Китая в конце XVII — начале XX в. (обзор) // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. – М., 2000.
37. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. – М., 1925.
38. *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX – XX вв. Цели, задачи и методы. – М., 2012.
39. *Санников Н.* Печилийский отряд и сводная саперная рота этого отряда; с чертежом и 2-мя рисунками в тексте // Инженерный журнал. – 1903. – № 6 – 7.
40. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем до 1917 г. – М.: Международные отношения, 1974.
41. *Сладковский М.И.* Китай и Англия. – М., 1980.
42. *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX—XX в.). – Омск, 1999.
43. *Троицкая Н.А.* Русская дальневосточная буржуазия и северо-восточный Китай. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока – Владивосток, 1996. – Т. 1.
1. *Barns E.* British Imperialism in China. – L., 1926.
2. *Curzon G.N.* Problems of the Far East. Japan-Korea-China. – L., 1894.
3. *Gelber L.M.* The rise of Anglo-American friendship. – Oxford, 1938.
4. Grey of Fallodon Ed. Twenty-five years 1892 – 1916. – N-Y., 1925. – Vol. 1

5. *Griswold*. The Far Eastern Policy of the United States. – N.-Y., 1938. – Ch. 11.
6. *Gunderi R.* Corea, China and Japan// The Fortnightly Review. – L., 1894.
7. *HoPing-vin*. The foreign Trade of China. – Shanghai, 1935.
8. *Hou-chi-ming*. Foreign Investment and Economic Development in China. 1840 – 1937. – Cambridge, 1965.
9. Political and Strategic Interests of the United Kingdom. – L., 1939.
10. *Remer G.F.* Foreign investment in China. – N. -Y., 1933.
11. *Sargent A.J.* Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy. – Oxford, 1907.
12. *Steiner Z.S.* The Foreign Office and Foreign Policy, 1898 – 1914. – Cambridge, 1969.